

СВЕТ

и

ТЕНЬ

и
ТЕНЬ

и
СВЕТ

В своих стихах и рисунках я выражаю любовь к природе и привязанность к грузьям. Я рада, что могу это все передать кисточкой, держа ее во рту, на листе бумаги, на холсте, на картоне... Плохо одно – всё труднее стало покупать краски, растворители, кисти. А это – моя жизнь.

Я инвадиг I-II группы. ДЦП. Живу в семье, в общении с природой. Можно участвовать в конкурсах сразу в трех жанрах – рисунок, стихи и проза? Может, мне повезет и меня заметят, заинтересуются моими работами?

В очередной раз депрессия едва не поглотила меня, но в обществе инвалидов мне показали Ваше письмо, и я села за пишущую машинку. Работа увлекла меня... У меня нет обеих ног и рук. Печатаю палочками, которые придумала сама... У меня большое горе – заболел мой сын, вылечить его невозможно, поэтому я не могу больше рисовать и боюсь – не смогу и писать. Сын был моими ногами и моими руками, моей опорой и моей надеждой, а теперь – второй раз в жизни – у меня не стало этого – ни рук, ни ног, ни веры, ни надежды...

Я не поэт. Я беспомощный инвалид. Ложку до рта поднять не могу. Тем более что-нибудь сделать. Безделье тяжко. К счастью, пальцы еще удерживают ручку... Занятия стихосложением для меня – труднейшее дело. Оно отнимает много времени, помогая жить.

...В 21 год после травмы потерял зрение. По натуре романтик и мыслитель, что и помогает писать стихи...

Вторую ногу ампутировали сразу выше колена. Это был самый унижительный момент: еще недавно ходил вертикально, а тут только ползком на заднице. Поначалу выпивал и плакал. Потом бросил. Ничего, пообвык. Сам сделал токарный станок. Научился хорошо точить. Увлёкся резьбой по дереву. Все в одиночку. Помощи неоткуда ждать. Но не жалею. У меня есть голова и руки неплохие. А у большинства и этого нет...

Размеренной чередой промчались школьные годы, оставив невостробованными мысли, чувства, желания, одним словом, вся полнота юной души оказалась не у дел. С тех пор неказистые строчки повседневных размышлений стали неотъемлемой частью моего бытия. И так, вообще о себе. Возраст – 24 года, инвалид с детства – I гр. Диагноз: ДЦП. Важнейшим для себя считаю любовь к детям, веру в Бога, очень хочу быть полезным людям. В последнее время основное занятие – литература, благодаря которой я нашел смысл и неповторимую палитру нелегкой судьбы...

Стихи пишу с детских лет, но серьезно – с 1993 г., когда обратился к Богу. Глубоко убежден, что поэзия – это чудесное проявление Божией благодати и что Священное Писание – лучшее поэтическое творение...

13 лет после травмы сижу в коляске... Особыми талантами не обладаю. Хотя... Вообще-то говорят, что не бывает людей бесталаных. В таком случае я уверенно могу сказать, что есть он и у меня: я люблю людей, всех люблю одинаково, но каждого чуть-чуть больше. С любовью к Вам – и всего доброго!

Пермская городская общественная организация
«Ассоциация инвалидов-опорников»

СВЕТ
и ТЕНЬ

Издание осуществлено
Пермской городской общественной организацией
«Ассоциация инвалидов-опорников»
по оригинальному проекту
**«Реабилитация людей с ограниченными
физическими возможностями через творчество»**

Энергию страдания – в энергию творчества

СВЕТ и ТЕНЬ

Литературно-художественный сборник

Пермь
Издательство «Курсив»
2000

Составители: *И. Остапенко, В. Раков*

Литературно-художественный сборник «Свет и тень» включает произведения более 40 авторов – инвалидов Прикамья. Пермь и Чайковский, Губаха и Чернушка, Березники и Очер... – такова география сборника. Стихи и проза, философские раздумья и публицистические заметки, рисунки и фотографии, тонкая нервная поэтическая строка и мечтательно-романтическая манера письма, первая неуверенная проба пера и творческая палитра уровня мастер-класс – таков диапазон творчества людей с ограниченными физическими возможностями. Авторы сборника – очень разные люди: профессиональные литераторы и школьники, ученые и люди, даже не учившиеся в школе... Но всех их объединяет одно: они, несомненно, талантливы – в своем умении жить и желании творить. Несмотря ни на что.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сколько стоит человеческое страдание? Если без сантиментов и риторики, само по себе страдание не стоит ничего. Существо страдает, претерпевает физическую и психическую боль, потом умирает. Возможно, есть скрытый, «кармический» смысл страдания, как считают на Востоке: через страдание нужно пройти, чтобы искупить совершенные в прошлой жизни ошибки и тем самым расчистить эволюционные завалы человеческого пути. Существует и христианский смысл страдания. Но Тайна сия велика, и мы не решимся к ней подступиться. В посюстороннем же смысле страдание в чистом виде – только как переживание боли и оставленности – бесперспективно. Оно так или иначе «опускает» человека, все более делая его обреченным животным.

Однако жизнь оставляет нам шанс трансформировать энергию страдания в энергию творчества. В этом случае страдание становится преимуществом и прелюдией к подлинности: не имеющий возможности ежедневно обольщаться жизнью и впадать в постоянно сопровождающие «обычного» человека мелкие искушения ею, имеет иную возможность: прорваться сквозь вечно спешащую и шумящую повседневность, сквозь суетный мир и выйти на последний берег – к некой творческой бездне, не имеющей имени, но потрясающе живой и мощной.

В нас постоянно шумит мир, идет непрерывное судебное заседание, где мы выступаем то ответчиками, то обвинителями. Внутренний диалог, спровоцированный социальной ситуацией, забирает львиную долю наших жизненных сил, в поверхностных страстях сгорает наше время – всё, чем мы по-настоящему обладаем. «Нормальный»-тревожный-бегущий человек не принадлежит себе, он живет в полувымышленном мире социально обусловленных ожиданий, он овнешнен и, следовательно, несвободен. Как правило, он живет не свою жизнь, а ту, которая ему предлагается. Так было, так есть, так, скорее всего, будет. Мир гипнотизирует нас, как удав кроликов, и заглатывает с потрохами. Для того чтобы увидеть это, нужно быть слегка в стороне. Будучи «проглоченным», ты уже не в состоянии видеть.

Перед теми, кому дано видеть, открывается перспектива (и одновременно вызов) – быть воином и победить мир. Каждая

развитая культура в лице своих героев приходила к открытию: только внутренне свободный от социальных обстоятельств человек способен обновлять эту жизнь (внешне мы все в нее втянуты, и это нормально). В каждой развитой культуре имеются свои тропы такой «войны». В Азии победоносный прецедент был создан Буддой, для Европы и России ключевой фигурой такого рода стал Христос, который мог бы сказать, обращаясь к человеку, знающему, что такое страдание: «Я победил мир. Почему бы тебе не победить мир следом за мной? Тебе тяжело живется, но не спеши отчаиваться. Будь сильным, если можешь».

Страдание и одиночество либо ломают человека, либо становятся матрицей «своей жизни». Человек, знающий, что такое боль, и не поглощенный ею целиком, воспринимает жизнь как дар и избегает делать больно другим. Он становится мудрее, он оказывается способным использовать страдание как инструмент внутреннего роста.

Но чтобы выразить это, надо взять в руки кисти и краски, перо и бумагу. И прервать молчание. Молчание – это наша разблокированная интуиция, заряженная творческой силой. Молчание смывает заученное, и мы всё начинаем заново, мы рождаемся вновь, мы впервые можем не повторять, а говорить собственными словами. Молчание чревато Словом, которое «было в начале». Священный миф может стать преображающим ядром личной драмы.

Один из современных философов сказал: жизнь – это усилие во времени. Мы желаем себе, своим спутникам и всем, кто нас слышит, ежедневного усилия, ежедневного вслушивания в свою судьбу, а через это, если даст Бог, выхода на тот плодоносный берег, где боль перестает быть болью.

ПРИГЛАШЕНИЕ
ПРИГЛАШЕНИЕ **К ЖИЗНИ**
Мастер-класс **К ЖИЗНИ**

Александр Кленов
Вячеслав Раков
Валентина Телегина

АЛЕКСАНДР КЛЕНОВ

г. Пермь

Я из костей дедов своих восстал.
Я прав до глубины
В большом и малом,
Ведь сколько их
На звездный пьедестал
Безвестных бугорочков за Уралом.
Я выломаю звезды из окна
Темнейшей летней ночью –
Ни одна
Без памяти не пропадет могила,
Я в пятьдесят шестом рожден,
Я – сила!

Я, пожалуй, лишь тем и живу,
Что из грустной капели,
Как маэстро, пишу наяву
Соловьиные трели.
Напишу птичью музыку я,
Поиграю...
А услышу в лесу соловья –
Не узнаю.

Я, право, был бы более счастлив,
Когда бы знал,
Что после смерти, кроме
Того, что дочь стихи мои прочтет,
Хотя бы строчку
В поднебесье синем
Прошебетали милые касатки

Птенцам своим
На языке своем...

...**А** слава – должна быть голодной.
Голодным – должно быть признание.
В противном же – это не слава,
И далеко не признание.

СОЛОВЕЙ

Когда он запел –
Воцарилась такая темнота,
Что она требовала
Звезд на небе,
И такая тишина,
Что она требовала
Слова...

Мудра Вселенная в презренье,
Тем, кто лишь ест и сладко пьет,
Она не открывает зренье
На полуночный небосвод.
Звезда бездушным – вечный кукиш,
Звезда хапугам – вечный шиш,
Поскольку ею не закусишь,
Тем паче – с ней не переспишь...

А. Решетову

Человек угрюм,
Но не спешит
На него уставить взгляд надменный,

Может, у него во всей Вселенной
Не найдется родственной души.
Человеку хочется грустить,
Ну и пусть,
Пусть утолит усталость,
Выпьет полстакана,
Может быть,
Это всё,
Что на веку осталось.

В друг влетит в окошко –
Глазу чуть видна –
Простенькая мошка,
Коих до хрена.
И заложет зависть
Среди бела дня:
У нее крыла есть –
Нет у меня.

Что делать? – Рупь и ни хрена,
И морда в саже...
Жена, конечно же, нужна,
И очень даже.
Что делать? – Килька на столе
В соку томата,
Как памятка о том рубле,
Что был когда-то.
Что делать? – Бухнешься, бугай,
В обхват подушки,
И остается только рай:
«Агдам» да Пушкин.

...И который уж день
Дождь идет напролом,
Словно тень на плетень,
Словно кость на излом,
То отвесно, то вкось
Из сверкающей тьмы,
Прошивая насквозь
Городские шумы.
Закусив удила,
Начиная с утра –
Ни души, ни крыла,
Ни кола, ни двора.
Только галок считать
Да безбожно храпеть –
Ни пером не унять.
Ни платком утереть.

А. Баженову

Казенный дом мерещится опять,
Наверное, в крови у нас такое,
Что безвозвратно разум тянет вспять,
Где ты – ничто в присутствии конвоя.
Неужто впрямь подведена черта
Тому, что по ночам кошмарно снится,
Что не бывать России без кнута
И без самодержца в разных лицах.

Не сидел как будто бы в тюрьме,
И не так тяжки христовы годы,
Что ж копаюсь в собственном дерьме,
Выясняя странный смысл свободы?
Я – как Мы, а Мы – уже народ,

Пусть пока что с неподтертым задом,
Но уже включенный в оборот,
В коем смерть и воля ходят рядом.
Нам бы безразличие богов.
Нам бы непреклонность середины...
Нет же, просим:
«Дайте батогов», –
Подставляя сгорбленные спины.

БАНАЛЬНОЕ

Презревши все сусальное в судьбе –
Машины, дачи,
Я умираю от любви к тебе,
И не иначе.
Пусть надо мной смеются соловьи,
Друзья и суки,
Но, право, лучше сгнуться от любви,
Чем ото скуки.

Случайно я встретил другую,
И ей был подарен твой голос,
Глаза твои, рот твой, а также
Лицо я ее переделал.
Затем целовал ее в губы,
Шептал: «Это ты, дорогая», –
И сам в это сразу поверил,
И так полюбил ее, точно
Такую, как ты...

Один закон –
Властитель дум с утра,

Чтоб пыль с окон,
Чтоб мусор из ведра.
Днем ты не та –
Строги твои уста:
Ты – суета,
Мирская суета.
Но все труды
Всегда того бедней,
Чтоб до звезды
И в омут простыней.
И ничего,
Что так грешны тела.
Я ждал того,
И ты того ждала.

Вот она, открылась рана
На сердце моем, поверх
Соль искрится; слишком рано
Голубой твой взор померк.
И на улице морозно,
И на небе бирюза.
Слишком поздно, слишком поздно
Открываются глаза.

РАССТАВАНИЕ

Вот лифт подплыл к шестому этажу,
Вот дверь ты осторожно распахнула,
Вошла ко мне, сказала: «Ухожу», –
И руку, улыбаясь, протянула.
Внезапно потемнело все вокруг,
Твоя ладонь горячая разжалась,
И видел я, как в щели между рук

Прощавшихся
Галактика рождалась.

В детстве с одной девочкой
Мы были очень влюблены друг в друга.
Так влюблены,
Как до сотворения мира.
Жили мы неизвестно где,
Поскольку не было еще географии,
Были разве что кошки
С фосфоресцирующими глазами,
Которых я гонял по подвалам
Ежедневно.
Подруга с восторгом
Называла меня сумасшедшим.
(Не знаю, может, она и была права.)
Чисел мы не знали,
Но мы знали:
Когда узнаем числа,
Тогда и решим,
В каком веке нам жить.
Какой же правдою была наша
Любовь.
Одно лишь небо посмеивалось
Над нами:
«Наплачетесь же еще вы, соколики».

ВЯЧЕСЛАВ РАКОВ

г. Пермь

Полуденный Компрос. Конец пятидесятых.
Еще легко дышать и делать аты-баты.
Компрос прямой меня, но я его прямее,
Когда от газировки цепенею,
Найдя глазами кафедральный шпиль
И облака над алкогольной Камой,
Во мне гудит кармическая пыль,
И у меня пока есть папа с мамой.
Стоит колониальная тоска.
Закрытый город может спать спокойно.
Молчание берется с потолка
И делается ношей колокольной
Не сразу, нет, не сразу. Три сестры
Давно в московском кружатся астрале,
На наш крыжовник точат топоры
И сладко повторяют: «Non c'e male»¹,
И говорят: «Всяк человек есть ложь,
И ложь вдвойне, когда берется в паре».
Потом пошел безалкогольный дождь
Косым шажком. И на меня попало.

Меня хватает на короткий шаг,
На серебро в проколотых ушах,
На то, чтоб отвертеться от запоя,
Когда пою наедине с собою,
На вечер в декабре или в июле,
На шарики, что пацаны надули,
На дольку чеснока, на «как живешь»,
На черный хлеб, лежащий под нож,

¹ Неплохо (*ит.*).

На снег да снег кругом – на всем Урале.
На большее мне только намекали.

Ты дорогого стоишь, но
Оставим все как было,
Нам совпадение не дано,
Хоть ты мне и по силам.

Так прижигает ранку йод,
Так гонят шарик в лунку.
Плыви, сокровище мое,
Обратно к нибелунгам.

Извини, я в осени по грудь,
Мой домишко не тобой продуло,
Напоследок с губ тебя слизнуть,
Чтобы ты назад не повернула.

Извини, я начинаю, ты ж
По определенью доначальна,
С кучерявой жизнью переспишь,
И нормально.

Эта осень замещает все –
Женщину, отечество, чужбину,
И японским голосом Басё
Трогает пустую сердцевину,

Полную присутствия. Эх-ма,
Как полны пустые огороды,
Снова ты сама-сама-сама,
Осень, не вместимая в погоду, –

Стриптизерша, нищенка, халва
Для пустопорожних ртов щербатых,

С кленов осыпаются слова,
И земля под ними конопата.

Или видеть, или говорить,
Разоряться, как орех в стакане,
Вот попса пожухлая горит,
Птицы превращаются в иврит,
Ну а я их пробегу глазами.

Мое белое дело
Не белее бумаги
Покупаю в господнем универмаге
Мое черное дело
Не грешнее чернил
Я немного сломался
А ты починил
Мое красное дело
Пока не пылит
Походил по любви
Нагулял аппетит
Это милое дело
Конец нашей эры
Говоришь-говоришь
И всё под фанеру
Высыпается шум
Из коричневой кружки
Выпивает с Ариной
Коричневый Пушкин
И над всеми над нами
Мелким шрифтом цунами.

Пять минут воробьиного вздора
Да пригоршня слепого дождя,

Оставляю себя без призора,
На попутных окном выходя
В этот раз, в этот лаз, в этот порох,
А от страха бывают повторы,
И слова начинают грешить,
Тело рвется и нечем зашить,
И поэтому вспять, но не быстро –
Как волна, как опала министра.
Их величество ох как горяч,
Ты же холоден, скуден, незряч.
Ты стоишь у окна и спасибо,
В теплом воздухе плавают рыбы
Кучевых, золотистых пород,
И сирень разливного пошиба
Омывает запекшийся рот.
Ты уже натерпелся позору
И считай, что тебе повезло.
Не остави меня без призора.
Посмотри на меня сквозь стекло.

Пошел, как Бендер, е2 – е4
В местах, забывших о теплом сортире,
Дворняга окраинной восьмилетки,
Попавший во все тетрадные клетки.
И все бы ладно, да Бог не дремлет,
И, хочешь не хочешь, надо есть землю.
Ни кожи, ни рожи, ни баб карамельных,
Сошел в миттельшпиль сухих подземелий.
И лет через десять, как из перехода,
Поднялся наверх и вкусил кислорода.
А дальше те игры, ты знаешь, Дженни,
Имели сильное продолженье –

Король обут, одет и обстиран,
И есть надежда, что кончим миром.
Ты отвечаешь: совсем забыла –
Над нами солнце не заходило.

Дыхание сужается до жалости.
Вот деревянный колокольчик старости
В руке кленовой, а в еловой лапе
Зеленая прививка от привычки
Умом пилить горение на спички.
Глаз заресничен,
Застеклен слезою.
Чем уже жизнь,
Тем ближе мы с тобою.

ВАЛЕНТИНА ТЕЛЕГИНА

г. Пермь

Молиться нас не научили
Ни в час ночной, ни на заре.
Мы все заветы позабыли,
Как строчки в старом букваре,
Не знали мы духовной школы,
Не приняли ее венца,
Ее азы, ее глаголы
Не проникали нам в сердца.

Вот потому душа страдает:
Есть память духа у нее,
И к небесам она взывает,
Ища прибежище свое.

И вот нисходит озаренье,
И чувствуешь – душа жива!
И в покаянном очищенье
Находишь нужные слова.

Слово жжет, и слово ранит,
И врачует слово нас.
Вдруг невиданною гранью
Засверкает, как алмаз!

То виденьем мимолетным
Бездны ада распахнет,
То на горные высоты
Человека вознесет.

И поверить мы готовы
В то, что дух – не побороть!

Что вначале было Слово,
А потом – душа и плоть.

Я ПЕРЕД ТОБОЙ

Я перед Тобой –
 аки былинка в поле,
Я о Тебе
 древней памятью помню.

Сколько бы нас
 ни отлучали, ни били,
В недрах души
 образ мы Твой сохранили,
 Господи Боже!

Только за все
 горько, обидно и больно,
И перед Тобой
 плачу и плачу невольно.

Боль утиши,
 каплю пролей дождевую
И освети
 солнышком душу живую,
 Господи Боже!

Слезы утри
 млечным Твоим полотенцем,
Сделай меня
 чистым, безгрешным младенцем!

Я перед Тобой –
 аки песчинка в море,
Я перед Тобой –
 звук во вселенском хоре,
 Господи Боже!

ПОЗОВИ!

Позови меня за перевалы,
За хребты, за синюю тайгу.
Я хочу начать свой путь сначала,
Я надеюсь, что еще смогу!

Что еще душа моя тревожно
Ловит звуки музыки и слов.
Робким огоньком во мгле дорожной
Грезится прекрасная любовь.

Позови! Проходит год за годом,
Оглянись и грустно посмотри:
Вслед за одиноким пароходом
Уплывают наши сентябри.

Позови! – кричу тебе устало,
Будто в дверь закрытую стучусь,
Будто у замерзшего причала
Сквозь пургу никак не докричусь.

Жизнь вокруг сугробы намедает,
Остужает жаркий ток в крови.
И последней журавлиной стае
Я шепчу невольно: «Позови!»

Утро молодое.
Диких яблонь цвет.
Кажется, что в мире
И печалей нет.

Словно на параде,
В небе облака
Подставляют солнцу
Потные бока.

Дождик прокатился,
Гулко бухнул гром –

Юный бог умылся,
Погремел ведром.
Брызжет на прохожих
Мокрая листва.
Смотришь на живое –
И душа жива!

Блаженство летнее

меня с ума свело!

Воздушное, пьянящее тепло,
На все лады – и птицы, и шмели,
Гул бытия исходит от земли.

Как пахнет одуряюще чабрец,
Ромашки светом ангельским
лучатся...

Да кто он, гениальный тот творец
Такого непридуманного счастья?

И много ли среди его миров
Таких планет,

где каждый миг расцвечен?
Где жители полей и городов
Живут, как мы,

под звон колоколов,
Но милосердней, радостней
и легче...

Июль! Дыханье грозового зноя.
Иду себе по лугу напрямик,
В траве сияют звезды зверобоя
И розовые зонтики гвоздик.

Июль! Румянец щек и синь во взоре.
Вдруг разморит полуденная лень...
Спасибо вам, цветы на косогоре!
Спасибо, спелый земляничный день!

Хочу теплом и волей насладиться,
Уснуть, обняв и землю, и траву.
И никуда не надо торопиться!
Лишь только это счастьем назову.

АВГУСТ

Сияет синью свод небесный,
Кругом разлита благодать.
Мир птичий, травяной, древесный
Еще не хочет увядать.

Звенит ручей на перекате,
Мерцают камешки на дне.
Красноголовый доктор – дятел
Стучит морзянку на сосне.

Бегом-бегом по тропке узкой,
То с перелетом, то бочком,
Спешат смешные трясогузки
За мухой или паучком.

Из глуби сумрака лесного
Кедровка голос подает.
Роняет шишки бор сосновый,
И хвоя пахнет, словно мед.

Зеленый мир почти божествен!
И всё отрадней, всё полней
Невыразимое блаженство
Последних августовских дней!

ЗАТИШЬЕ

Какая тихая отрада!
В лесу шуршанье листопада.
Пичуга редкая снует,
Но песен летних не поет.
Затишье. Осторожный шорох:
Гриб раздвигает листьев ворох
У старой ели.

Пустынно около жнивья,
Ни бабочки, ни муравья,
Ни лошади, ни человека
С его кострами и пальбой,
С собачьим лаем и гоньбой,
Азартным криком.

А я – всего лишь поздний гость,
Держу рябиновую гроздь,
Как ярких самоцветов горсть,
И хорошо мне!

И слушает душа моя
Покой лесного бытия
И бормотание ручья
Сквозь сон осенний.

ЛЕТОМ НА ЧУСОВОЙ

Из лодки выйду на кремнистый берег,
Взберусь на косогор по крутизне
И собственным глазам я не поверю,
И задохнусь, и ахнет все во мне!

Внизу притихла сонная деревня,
Подковой изгибается река.
А здесь – шумят столетние деревья,
Здесь ветер, воля, небо, облака!

А вот поляна: стоило родиться,
Чтобы навек влюбиться в этот вид!
Царица трав – целебная душица
Сиреневыми волнами кипит.

Она сквозь сито зелени и солнца
Медовый источает аромат,
И, словно золотые веретенца,
Шмели и пчелы трудятся, гудят.

Охапку трав, горячий слиток лета,
Я заносу в прохладный тихий дом –
И стало больше воздуха и света,
И аромат поплыл под потолком.

Под этот запах сладко-сладко спится!
Угомонился даже домово́й...
Сиреневое облако душицы
Всю ночь легко парило надо мной.

Колодец... Береза... Трава...

Такие простые слова.
А как они в душу легли,
Приметы родимой земли!

И нету милее оков,
И нет заповеднее слов.
Калитка... Тропинка... Изба...
А это ведь чья-то судьба.

ЦВЕТНЫЕ
ЦВЕТНЫЕ СНЫ
Проба пера
СНЫ

Наталья Разбитнова
Анатолий Касьянов
Светлана Жигиль
Виктор Хабеев
Наталья Мазуркина
Светлана Верхоланцева
Татьяна Глебова

НАТАЛЬЯ РАЗБИТНОВА

г. Пермь

Мне чуть-чуть не хватает
дыханья в груди,
Мне чуть-чуть не хватает
в прыжке высоты,
Мне чуть-чуть не хватает
желанья уйти,
Чтоб взлететь и достичь
той далекой звезды,
Что сияет всю ночь
и безмолвно зовет
Устремиться в безудержный,
вечный полет.
Мне чуть-чуть не хватает
тепла и любви,
Мне чуть-чуть не хватает
царя в голове,
Мне чуть-чуть не хватает
покоя внутри,
Чтоб остаться на этой
уютной земле,
Где я каждую ночь
и зимой, и весной
Одинок люблюсь
печальной звездой.

Я открываю окно,
и врывается пляшущий ветер,
Мокрый от пролитых слез
и блестящий от звезд,
Тех, что в далеких морях он нашел
или встретил,

Тех, что в заснеженный город
оттуда принес.

Он притащил за собой ароматы
Востока:

Кофе, миндаль, экзотический
сладкий табак.

Он будоражит и манит
лукаво-жестoko

Вдаль из холодной тюрьмы
«Никуда» и «Никак».

Лед он присыпал песком
африканской Сахары,

В прорубь плеснул голубой
океанской воды.

Стало тепло. Оседают сугробы
устало,

Там, где морской южный ветер
оставил следы.

Ангелы, зажгите свечи звезд.
Тонет вечер в аромате роз,
Юный месяц – лепесток луны
С неба посылает детям сны
И блестящей рыбкой золотой
Проплывает тихо над рекой.

А среди запутанных ветвей
Встрепенулся ранний соловей.
Нереально нежен и высок
Трепетный хрустальный голосок,
И баюкает его свирель
Дремлющего сада колыбель.

Снова небо хмурится серыми глазами,
Это плачут ангелы теплыми слезами.
Озорницы-ласточки намочили крылья
И играют ласковою водяною пылью.

Солнце где-то прячется в облаках пушистых,
Расцветают яблони пеною душистой,
Тополя склоняются изумрудной кроной,
И восходит радуга золотой короной.

Каждому лету – солнце и радость,
Каждому ливню – ленточки радуг,
Каждому небу – ласточек стаю,
Каждой Вселенной – вечную тайну.

Каждому детству – кучу игрушек,
Каждому носу – россыпь веснушек,
Каждой картине – крепкую раму,
Всем ребятишкам – добрую маму.

Каждой поляне – яркий цветочек,
Каждой вороне – сыра кусочек,
Каждой синице – звонкое пенье,
Каждой странице – стихотворенье.

Я плачу потому, что за окном
Рыдает мелкий и холодный дождь.
Мне кажется, мы плачем об одном:
О том, как часто понапрасну ждешь
Любви, тепла и солнечной весны,
Но небеса не жалуют тебя,
И растворяются цветные сны
В печальной прозе серого дождя.

Подними на минуту глаза,
Посмотри на звезду в вышине,
Что блестит и дрожит, как слеза:
Это я обращаюсь к тебе.

Утром встань в предрассветный час
И взглядишь в золотую зарю –
Ты увидишь сияние глаз:
Это я на тебя смотрю.

Я – лазоревый небосклон,
Я – соленый морской прибой.
Слышишь шелест прозрачных волн?
Это я говорю с тобой.

Я – безумного ветра свист,
Я – воды ключевой глоток,
Я – зеленый душистый лист
И весенний хрупкий цветок.

Я – сосновый тенистый лес
И горячего солнца свет.
Я б хотела остаться здесь.
Только, знаешь, меня уже нет.

От любви до ненависти,
Из огня да в полымя –
Лишь один-единственный
Крошечный шажок.
Над глубокой пропастью
Полыхают молнии:
Постигает истину
Затяжной прыжок.

Сердце сладким ужасом
В сотый раз сжимается,

А глаза волнение
Не дает закрыть.
На краю сомнения
Снова возрождается
Вечная полемика
«Быть или не быть».

Сгинешь или выплывешь:
Как тут не отчаяться,
Если бы хоть что-нибудь
Знать наверняка.
Говорят, на ниточке
Жизнь висит-качается,
Только эта ниточка
Чересчур тонка.

Ветер треплет сырые лохмотья афиш –
Пелерины фонарных столбов,
А сосульки созрели и падают с крыш,
Протыкая перины снегов.

На кустах распевается хор воробьев,
Им внимает ободранный кот.
И компания дружных веселых ручьев
Тоже что-то беспечно поет.

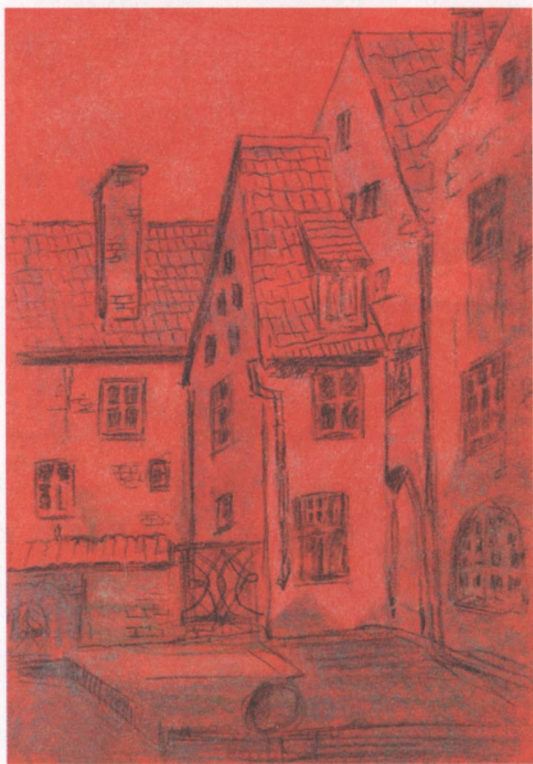
А под грязным сугробом и талой водой
Просыпается томно земля,
И мечтает укрыться зеленой травой
И цветами украсить себя.

МГНОВЕНЬЯ МГНОВЕНАЯ ИЗОСТУДИЯ ЖИЗНИ

Изо студия

ВАЛЕРИЙ НОВИКОВ

г. Пермь

Краски города

(пастель)

Солнечное утро

(пастель)

Белые ночи

(пастель)

Жаркий полдень

(пастель)

Зеленый Вечер

(пастель)

НАТАЛЬЯ МАЗУРКИНА

г. Пермь

Деревенский мотив

(акварель)

На реке

(акварель)

Натюрморт

(масло)

Вечер

(масло)

ТАТЬЯНА ГЛЕБОВА

с. Шляпники

Край родной

(акварель)

НАТАЛЬЯ ЖИЖИЛОВА

с. Култаево

Лесная сказка

(акварель)

ВАЛЕНТИНА ПЕТРОВСКАЯ

г. Березники

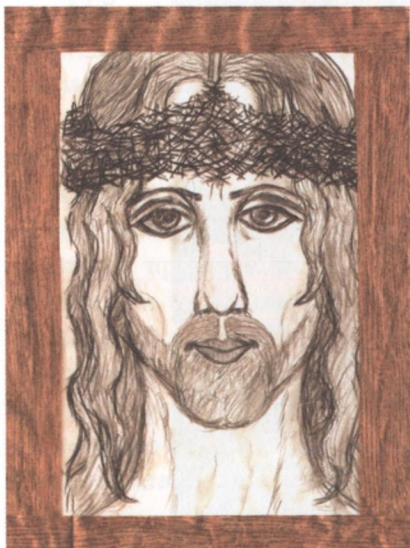

Автопортрет

(акварель)

ТАТЬЯНА КАМЕНСКИХ

г. Усолье

Терновый Венец

(карандаш)

ЛИДИЯ СПЕШИЛОВА

г. Пермь

Времена года
(вышивка)

АНАТОЛИЙ КАСЬЯНОВ

г. Пермь

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Смотря в сумрачное осеннее окно, Алексей забылся. Неугомонная память вновь расшевелила его чувства, рисуя на заплаканном стекле тот счастливый весенний вечер, когда юный семнадцатилетний мальчик впервые погрузился в любовь.

Пред его взором предстала светло-русая девушка. Ее нежные волосы едва касались хрупких белоснежных плеч. В легком голубеньком платьице, не покрывавшем миниатюрную шею и изящные плечи, она была ослепительно прекрасна. Алексею вспомнилось, как он поцеловал расцветшие алым бутоном сказочного цветка губы любимой. Это было «началом начал» – первым, неожиданно дерзким поцелуем двух одиноких детских душ...

Взор Алексея улетал, минуя леденящую даль октябрьской дождливой ночи и дописывая картину: сливаясь с девичьим телом, на мгновение, безмолвно ушедшее в вечность, он робко и в то же время страстно касается губами ее нежной, обнаженной, бархатно упругой груди, вдыхая сладость первого чувства...

Молодой человек улыбнулся потухшему унылому небу, вспомнив прикосновение своих губ к губам возлюбленной. Он не заметил, как положил ладонь на рычаг инвалидной коляски. Та слегка дрогнула, заставив Алексея очнуться от хрупкого сна воспоминаний.

Вместо эпилога.

«Это было все, что осталось от стойкого оловянного солдатика и его прекрасной плясуньи».

Г. Х. Андерсен

ЛИСТ ДНЕВНИКА

Стиль «Ретро»

Осень. Ветер срывает желтые тополиные листья, кружит их каким-то особенным, загадочно прощальным, вальсом. Возможно, последним в моей стремительно затяжной жизни. Немного не по себе: откуда же взялись столь фатальные мысли, в двадцать-то лет? Может быть, боль отняла слишком много внутренних душевных сил, а может, просто исчерпал все возможности изменить свою жизнь? Хотя каждый день неуклонно и значительно преобразовывает ее. Наверное, сердце под тяжестью опадающих листьев перестало удивляться новому и замерло в старых бедах. В мире все относительно, поэтому хочется верить, что и эти размышления растают, словно мираж, оставив лишь очередную исписанную страничку моего дневника. Или же во Вселенной все закономерно? И в настоящее мгновение Ангел-Хранитель заносит золотыми изящными буквами эти неведомо откуда возникшие раздумья на одну из незаконченных страниц Книги Жизни? Возможно, сия белоснежная страница, подобно осеннему листопаду, повинувшись золотому росчерку пера, срывает лишь первые строчки закружившейся жизни. ...Бог знает, сколько их еще будет. Пожалуй, на этой лирической ноте нескладных, подчас неуловимо мчащихся безоглядно ввысь мыслей я и оставлю лист своего дневника, поставив многоточие...

ГАРМОНИЯ ИСЦЕЛЕНИЯ

Порой мы желаем очень и очень многого, но если посмотреть глубже на то, что имеем... Оказывается совершенно очевидным, что имеем мы несравненно больше того, в чем нуждаемся. Тем самым подчас нанося себе непо-

правимый урон. Сие является одной и весьма весомой причиной наших несчастий. Ведь само по себе счастье – не нечто абстрактное, напротив, на мой взгляд, оно – вполне конкретное состояние внутреннего «Я». В этом я вижу ключ к выздоровлению каждого человека. Несмотря на то, как и в какой степени мы больны, рецепт один – обрести индивидуальную внутреннюю гармонию. В этом и заключается смысл вселенского бытия, который так упрямо отвергает человечество.

ОДИНОЧЕСТВО

*Душ одиночество не выразить слезами,
И одичалость чувств молитвой не унять...*

Зеленю плакучих ив рассветает за окнами воскресшая весна. Почему же сердце не наполняется той прозрачно светящейся детской радостью, навеваемой свежим весенним ветерком и нежно ласкающими лучами апрельского солнца? По-обычному затянувшаяся зима схлынула прочь потоками талых снегов и льдов, заливая щемящей тоской сердце. Невозможно передать возникающее при первых проталинах и звонко журчащих ручьях чувство весеннего одиночества. Летом одиночество размякает, разжижается пламенящей жарой и немногочисленными прогулками, поездками, встречами... Осенью, напротив, ощетинится, одичает: то замрет в яростном оскале, то начнет рваться в унисон ледяющему октябрьскому ветру. Пока наконец не прольется беззвучной слезой последнего, беспомощно опавшего листка. Зимой – поскулит старым псом, поноет в душевной квартире по недоступно неведомым морозцам. Да подведет привычно банальные итоги прошедшего года. А когда закружат метелями февральские дни, всплакнут пасмурные оттепели, в душе

тихо затеплится надежда, что обрушившиеся лавиной льдов, вздыбленные реки непременно принесут последнюю, подстреленную одиночеством, весну!

МОНОЛОГ

Передо мной стакан, и водки в нем глоток остался. Как же выжить мне? Как не спиться и не ссучиться? Страшно быть всегда наедине с собой, не требуя у окружающих пощады. Не ведаю, что будет завтра. Но сегодня... Я замкнут в себе самом и, видя всю несостоятельность бытия, ищу у бездны на краю последний вздох. Ложь. Наглая, тупая ложь. Желаю жить, творить желаю, хочу быть нужным самому себе. О, как же это трудно быть нужным самому себе! Ведь это значит, быть нужным всем и каждому в отдельности. Но как?! Когда меня никто не понимает... Где корень зла? Во мне? В них? В тех, кто не стремится понять всей боли, что так давит на меня? Но понял ли я сам, что так жестоко угнетает мою душу? Да, понял! Не-по-ни-ма-ние! Но как меня понять, куда я себя сам порой не понимаю?!

ПРОЩАНИЕ ОСЕНИ

Снова облетающими красками листопада гаснет осень. Тихо плачет последний дождь, касаясь опавшей листвы, покрывающей пестрым ковром землю. Утренние заморозки стягивают волшебным гляncем влажное покрывало лесной полянки, придавая сказочные формы пожухлым травинкам. Огненные грозди рябин, чуть обласканные морозцем, словно гирлянды на рождественских елках, вспыхивают под первыми лучами восходящего за речкой солнца. Напоминая о приближающейся зиме, а значит, и о встрече Нового года.

СВЕТЛАНА ЖИГИЛЬ

г. Пермь

ШОТЛАНДСКАЯ ПЕСЕНКА

Заблудились мы в поисках счастья,
Снег все гуще, но видишь – дым?
Двери – настезь, и сердце – настезь,
А в углу полыхает камин.

Пью здоровье твое, хозяйка,
Лучше сердца на свете нет.
Где же дом мой, скажи без утайки?
Почему ты вздыхаешь в ответ?

Там любила меня девчонка,
Бесконечной была доброты.
Обходил я ее стороной.
Подскажи мне, это не ты?

Кочевал я в поисках края,
Где, казалось, судьба меня ждет.
Может быть, это ты? – Не знаю.
По щеке слезинка течет.

Недолгое пиршество цвета,
Канун разнотравья грядет,
Излучи туманятся светом,
Лес чуда неясного ждет.

«Когда б по кончине стать птицей» –
Впервые забрезжит печаль.
Как будто меж снами забилась
Покоя нездешнего даль.

Ты вспомнишь несмелые жесты,
Заплачешь на зов старины

И сложишь знакомую песню,
Согретую чувством вины.

НАИТИЕ

Немой тоски виолончельный стон.
Дождь колет землю копьями разлуки.
Скорбит о листьях обнаженный клен,
И сам он искажен последней мукой.

Стихия осени! Как памяти верна!
Как трепетна она и безрассудна!
Под летом подвести черту нетрудно,
Но кажется загробной тишина.

Решить, что лучше: быть или не быть...
Вопрос извечен, а ответы ложны.
Для бреда столько поводов ничтожных,
А я хочу весь сад исколесить.

Вновь в забытии узнать и не узнать
Невидимой руки прикосновенье.
Заплакать над листом, и на мгновенье
Самосожженье истины понять.

Я соберу свои пожитки
Из слез, бессонниц и потерь.
Нет ожидания – и теперь
Нетрудно подсчитать убытки.

Не может осень без дождя.
И я б хотела раствориться
В тени. Но где найти тебя?
И даже снам не повториться.

У томленный город засыпает,
Только слышу: в трепетной ночи
Снег последний безоглядно тает,
Словно воск молитвенной свечи.

Снег, свеча. Что знаем мы о боли,
О желаньи просто умирать?
Жизнью, оперенною неволей,
Не сумеешь тайны разгадать.

Разгадать – и тихо раствориться,
Не уняв нечаянной борьбы.
Воскресеньем ранним будет сниться
Отголосок чаемой судьбы.

МИМОЛЕТНОСТЬ

И вновь живой лишь лампы полусвет,
А мир в плену у голосов неясных.
День – как вопрос, и кажется напрасным
Искать докучной маете ответ.

Канва времен утеряна швеей.
И я не знаю, в чем моя провинность.
Одежда осторожности сносилась.
Себе вдруг становлюсь получужой.

А может быть, теряю без причин
Я к жизни безоглядное доверье.
Всё чудятся досадные потери,
Где горестный курсив неповторим.

Х олодноватый и спокойный миг.
Нет времени. Мечты сейчас не нужны,
Застывший вечер, голубой и чуждый,
Мысль новую как будто бы постиг.

К безмолвью строгость инея влечет,
Живой слезы иссякло многоточье.
Что хрупкость равновесия пророчит,
Знать не хочу – былой предъявлен счет.

В узоре бабочки останусь,
И след в потерянной листве
Оставит ветреную малость –
Там шорох времени живей.

Так капелька дождя повиснет
Случайно по ветру – и вдруг,
Как легкий утренний испуг,
Останется в десятках жизней.

И неизвестно, что желанней
Пред ликом ласковым Творца,
Черты великого лица
Или напрасное дыханье.

ПРОЩАНИЕ

По реке уплывают плоты,
Пропадая в глухом тумане.
Неутешны всхлипы воды,
Не видны берегов очертанья.

И все время от нас на плотях
Уплывают близкие люди.
Брешь зияет в грядущих годах:
Встречи с ними уже не будет.

Нам же жизнь остается в удел,
Лишь бы праведны были страданья.
И туман иногда редел
На местах бывшего прощанья.

По реке уплывают плоты...

В друг показался этот день последним,
И горечью повеяло с полей.
Щемящей долгожданностью прощенья
С небес сорвались крики журавлей.
Я знаю: луг, ромашкою заросший,
Ко мне из ранней юности придет.
И в мире, навсегда ко злу оглошем,
Душа свои предчувствия поймет.

ВИКТОР ХАБЕЕВ

г. Губаха

РАНА

Не говори ненужные слова,
Они в твоих устах, как сор-трава.
Тебе бы надо лучше промолчать
И сжать уста в железную печать.
Зачем? Зачем мы извергаем дым,
Вредя себе, здоровым и больным,
И раним душу словом, как стрелой,
Не думая, что мы – тому виной?
В потоке слов, безжалостных речей,
В порочном языке земных людей,
Как тельце дистрофичного дитя –
Мы корчимся от слово-блудия.

Открытые окна.
Живу нараспашку.
Открытые двери.
Душа – промокашка.

Я радость впитаю,
Впитаю и горе.
Я накипь снимаю
С житейского моря.

В себя – эти боли,
Душевные раны,
Впитаю, как губкой,
Мочалкой из ванны,

С людей гениальных,
Простых и не очень,

С родных или дальних,
И всяких, и прочих.

И так почернеет
Душа-промокашка,
Как будто чернил
Напилася, бедняжка.

Заправлю я ручку
Чернильной влагой,
Устрою я взбучку
Белой бумаге.

ПИСЬМЕНА

Где-то черная стая
Гонит прочь воробья,
И кружится, и тает
Первый снег октября.
Тлеют серые листья
В одиноком костре,
Осень пестрые письма
Не напишет уже.
Кто читать их умеет,
Мудрый тот человек,
Сердцем не очерствеет
В беспощадный наш век...
Скоро новые строчки,
И опять письма, –
Запятые и точки
Будет ставить зима.
Это миссия миссий –
Осень кличет зиму,
И снежинки, как письма,
На холодном ветру.
Исчезают...

Сею семя, семечко,
Выходи, росток.
Золотое времечко
Посулит денек.

Будет спелым яблоком
Солнышко играть,
И медовым пряником
Жизнь нас привечать.

Будут птицы веточки
В клювике нести,
Станут мои деточки,
Как хлеба, расти.

Где-то красна девица
Песню запоеет...
Видится и верится –
Так произойдет.

Позабудем плакаться
О нужде своей,
Счастье вдруг объявится
Посреди людей.

Сею семя, семечко,
Выползет росток,
Мало-помаленечку,
Прямо на восток.

Сто лет одиночества.
Юбилей праздную.
Кому-то хочется
Жизнь разную.
Жизнь красивую,
Не убогую,

Любовь счастливую,
Жену высокую.
Я не выберу,
Как захочется.
В дом напросится –
ОДИНОЧЕСТВО.
Будем баловать –
Чай да пряники,
Будем плакать мы
В эти праздники.

В крови по колено,
Дорогой неверной,
Шагает Россия
В век двадцать первый.
Уносит с собою
Кровавые пятна
Историй и судеб –
Нелицеприятных.
Запачканы руки
Не только в перчатках.
Не надо с убийцы
Снимать отпечатки.
Убила Россия.
Сгноила Россия.
Предала Россия.
Продала Россия.
Все это творила
Бесовская сила,
Моя золотая
Держава
Россия!
Покайся за всё.

О ЛЕНИ

Не Байрон я, и не Пушкин.
Мне шейный платок давит шею...
Чешу авторучкой макушку,
Плету про судьбу ахинею.
Конечно, не Маяковский,
И не сбегу дезертиром.
Уж лучше я словом бесовским
Пульну по старому миру.
И я не Сергей Есенин,
Не стану по бабам таскаться...
Стихи пишу не от лени,
Но лень мне с ленью расстаться.
Слагаю стихи как умею,
Ведь я не кончал лицеев.
Вот изредка ленью болею,
Недаром я – Виктор Хабеев.

НАТАЛЬЯ МАЗУРКИНА

г. Пермь

НАД ВЕЧНЫМ ПОКОЕМ

У картины Левитана

На краю обрыва, в полутьме небес,
Покосилась церковь, наклонился лес.
Розовые веки опустил закат,
По воде туманной отсветы летят.
Затерялись тропы в сумраке раки,
Зашептал молитвы ветер у реки.
Колыбельной песней в звонком камыше
Прозвучала вечность, замерла в душе.

ХУДОЖНИКУ

Я хочу превратиться в листву,
Ту, что дышит в твоей акварели!
В солнце, ивы, резную траву,
В маки, что на полях раскраснелись.

Литься солнышком сквозь облака,
Падать в озеро ультрамарином...
Стать бы кистью в твоих мне руках,
Мирозданья творящих картины.

РОЖДЕСТВО

Раскинули крылья косматые ели,
Под тяжестью снега обрушился наст.
Запутался лес в паутине метели,
И озеро, словно светящийся глаз.

Тропа утонула в пустынном овраге,
В холодных ушанках нахохлились пни,

И падает снег, застывая во мраке,
На небе туманном повисли огни.

Вот ставни в избушке лесной закрипели,
В сиянье лампад родилось волшебство.
И гимны чудесные ввысь полетели,
В церквах перезвоны...

Пришло Рождество!

Июнь, июнь – начало лета.
Тропа бежит по ивняку,
Потоки солнечного света
Искристо падают в реку.

Распустишь волосы и – в чашу,
В туман, в могучих трав расцвет
Искать там, как прабабки наши,
Волшебный папоротника цвет!

В ЛЕСУ

Словно чернила, размазались тучи,
Небо опухло от слез.
Глухо бреду по оврагам колючим
В шепоте мокрых берез.

Захороводили сонные ели,
Ряской завесился пруд.
Мавки лесные у берега сели,
Чудится, будто поют.

Жутко и сладко от песен тоскливых...
Только вокруг – тишина!
Это лишь ветер запутался в ивах,
Да колобродит луна.

Моя любовь, ослепшая, глухая,
Она не со стрелой, а с клюкою.
Разбитая старуха, вся сухая,
За сердце тянет черствою рукою.

И, слушая ее несвязный лепет,
Люблю, но не надеюсь и не верю...
Она же козни строит, замки лепит
И все стучит в закованные двери.

Но знаю я, она со мной не вечно,
Уйдет дарить другим свои напасти.
Но почему-то мне не станет легче.
На дне ее котомки билось счастье...

АВТОКАТАСТРОФА

Струи зеленого жгучего воска
Каплями длинными падают мерно.
Плавятся мысли в туманности мозга.
Мне не уснуть этой ночью, наверно.
Белые руки раздолбанных статуй...
Грохот колес в уходящем составе...
И пузырьек с проспиртованной ватой
Дрожью пульсирует в каждом суставе.
В темном углу что-то гулко вздыхает,
Лунная тень отодвинула шторы.
В полудремоте озноб затихает,
Криком своим захлебнулись рессоры.

СВЕТАНА ВЕРХОЛАНЦЕВА

г. Пермь

СВЕЧКА

Когда захочется поэта
За скромный подвиг помянуть,
Ему поставьте свечку эту.
Поставьте свечку. В этом суть.

При свете малом этой свечки
Рождено лучшее порой.
Но сколько строк погибло в печке,
Воздайте им – за упокой.

А жизнь хрупка, как свечки тело,
А пламя так легко спугнуть!..
Задуть свечу – пустое дело,
И жизнь порой легко задуть...

Свеча трепещет на ладошке
Все меньше, меньше – вот беда!
Но свет в душе, как свет в окошке,
Уж не погаснет никогда.

БОЙСЯ. МОРЯК...

Если нашла причуда
Берег чужой открыть,
Лучше не строй иллюзий
Море враз переплыть.

Слишком громадно море,
Слишком сильно, поверь!
Бойся, моряк, не моря,
Бойся ты сесть на мель!

Если ты плыть решился
К черту, на край земли,
Чтоб наконец увидеть
Страны мечты вдали, —

Мачты сломают ветры,
Волны нахлынут в щель.
Бойся, моряк, не смерти,
Бойся ты сесть на мель!

Если в пути случится
Вспомнить вдруг край родной,
Будут терзать сомненья:
Не повернуть ли домой?

Вспомнишь ты мать-старуху,
Вспомнишь не раз, поверь!
Бойся ты не разлуки,
Бойся ты сесть на мель!

Если уткнется носом
Судно в песок и в ил,
Если ты враз забудешь,
Кто ты, куда поплыл,

Есть у тебя надежда
Сдвинуть корабль, поверь!
Бойся, моряк, не мели,
Бойся ты сесть на мель!

ТАТЬЯНА ГЛЕБОВА

с. Шляпники

МАЛЕНЬКОЕ ЧУДО

Сказка

Весенний дождь сгонял последний снег, который впитывал крупные капли и сам становился водой. Казалось, после сказочного дождя, что пришел на помощь измученной в борьбе со снегом весне, будет что-то необычное, чудесное.

И вот последние капли с тихим звоном упали в лужи, все замерло. Даже непоседы-воробьи молча высовывались из своих укрытий и удивлялись голубой прозрачности воздуха. Никто не хотел первым нарушить тишину. Солнце играло в каждой капле, висевшей на ветвях деревьев, на прошлогодней жухлой траве. В капельках были все цвета радуги.

В самом дальнем уголке двора, за баней, сквозь иссохшие листья репейника проглянул нежный, острый росток. Никто не заметил этого хрупкого чуда, кроме мотылька. Он осторожно сел около росточка и замер. На крошечном росточке появилась изумрудная капелька, как слеза.

– Ах, – сказал мотылек, – ты отдаешь мне часть своих сил?

– Да, – прошептал росток, – возьми!

Мотылек прикоснулся хоботком к капельке, и в него влилась сила и радость. Он взмахнул крылышками и уже в воздухе, кружась над росточком, прокричал:

– Спасибо, милый мой спаситель! Я буду навещать тебя! – И скрылся в вышине.

Долго еще росток вглядывался в бездонное синее небо с надеждой увидеть своего мотылька. Но на смену дню пришел вечер. Солнце клонилось неудержимо к гори-

зонту, потянуло прохладой. Росточку стало холодно, но верх над холодом и страхом одержало любопытство. Ведь он впервые видел закат! Солнце опускалось все ниже, становясь алым. Этот цвет пугал и манил к себе. Росточку хотелось туда, к загадочному горизонту, но он, навсегда связанный с землей, не мог, как мотылек, порхать в воздухе. Он подумал: «Где же сейчас мотылек? Если бы он был здесь, то рассказал бы, что же там, у края земли...»

Незаметно, но настойчиво ночь занимала все большее и большее пространство. Она приходит на землю не из далекого космоса, не опускается сверху, как принято думать, а выползает как бы из-под земли и поднимается к небу, которое начинает темнеть с востока на запад. Поэтому росточек не заметил, как вокруг него все изменилось. Он все смотрел в сторону заката, где пылала заря, охватившая почти полнеба. Оглянувшись, росточек сжался, ему стало страшно, потому что он не узнал даже забор, что окружал его с двух сторон: в ночном полумраке деревянный великан стал еще выше и грознее. В темном небе появилась робкая звезда, которая была слишком далеко, чтобы заметить росточек, но он был рад ее появлению, ведь теперь ему стало совсем не страшно!

Ночь все больше охватывала небо, где уже мерцало много звезд. Они все походили одна на другую, но росточек безошибочно находил ту, которая раскрыла ему прелесть звездной ночи.

Каждый прожитый день приносил росточку что-то новое о мире, в который он пришел. Он встречал по утрам солнце и никак не мог понять: почему оно заходит с одной стороны, а выходит с другой? Пока скворец, что частенько прилетал в его уголок полакомиться червяками, не рассказал, что вся Земля похожа на круг-

люю росинку и она столь же мала и хрупка, как эта капелька.

Росточку уже не было скучно: вокруг появилось столько его родственников, многие давно догнали и перегнали его в размерах. Им было очень хорошо, они вместе радовались росам, которые умывали и поили их, любовались закатами и звездами. И наш росток начал забывать про мотылька, уже не ждал его с утра до вечера. Хоть в воздухе и порхало много разноцветных мотыльков, но того знакольца среди них не было.

И вот однажды на забор, захлопав крыльями, взлетела рябая курица. Увидев сочную зелень, она, недолго раздумывая, прыгнула вниз и принялась склевывать ее. Все начали кричать и звать на помощь, но кто же может услышать голос травы? А курица всё клевала и клевала...

Внезапно над курицей что-то закружилось и замелькало, она оторвалась от травы и погналась за мельтешащим созданием, которое порхало перед ней, уводя подальше от этого места.

Затаив дыхание, росток следил, как курица прыгала, перебежала с одного места на другое, пытаясь клюнуть мотылька. Да, это был он! Падая на землю и махая крылышками, словно обессиленный, мотылек замирал, но стоило преследовательнице приблизиться, как он отрывался от земли и отлетал подальше. Так курица оказалась за пределами двора...

Прошел месяц. наших знакомых с трудом можно было узнать: они выросли и стали такими разными. Листья репейника, который укрывал росток зимой от снега, превратились в лопаточки и окрепли, а у росточка появилось целое семейство, да его и росточком уже нельзя было назвать – он стал длинным колоском. Теперь он мог видеть, что солнце закатывается где-то там, за ле-

сом. Несколько раз наблюдал удивительное чудо, возникавшее из ничего: когда кончался дождь, то в небе появлялись разноцветные полосы, плавно переходящие одна в другую. В эти короткие мгновения среди кучевых облаков и тучек колосок познал завораживающую улыбку неба.

Много еще для него было непонятного и загадочного. Например, он не мог понять, почему солнце и луна такие разные, ведь они почти одинаковых размеров, а луна не греет и светит плохо?

Но всему свое время. Однажды колосок получил ответы на все свои вопросы. Ему приснилось, что он вдруг оторвался от земли и стал подниматься в небо! Он видел, как уходит вниз его родной уголок с забором, который теперь уже не казался великаном, а спустя мгновение и совсем исчез из виду.

Перед колоском раскрывались великолепные поля со спеющими хлебами, похожими на золотые моря: ветер гулял над ними, и они колыхались от его дыхания. Лес казался темно-синим ковром, в котором кое-где блестели зеркала озер и тонкие нити речушек.

Наш путешественник с трудом верил, что видит, как с каждой минутой меняется Земля. И вот она уже превратилась в большой шар! Все леса, поля, реки, озера, горы, моря и океаны покрылись голубой дымкой. Даже облака стали голубыми!

Колосок огляделся вокруг: его окружала ночь – совсем не такая, как на Земле. С одной стороны солнце светило и грело, с другой – сжимал холод, и, не мигая, смотрели на него звезды. Все было необычно и непривычно – он забыл, казалось, про всё на свете, даже про себя!

Зная, что не вернется в свой уголок, он в последний раз посмотрел туда, где оставил Землю, но не увидел ее, только далеко внизу желтела звездочка, которая пока-

залась такой родной и светлой. Каким-то внутренним чутьем колос понял, что это – солнце. То самое – светлое, ласковое, что согревает Землю!

Постепенно колосок перестал чувствовать себя колоском. Он утратил свое земное тело и стал энергией, которая со скоростью мысли неслась в межгалактическом пространстве, унося с собой частичку земного тепла навстречу новой жизни.

Ана земле дули холодные осенние ветры, кружили в воздухе разноцветные листья, так похожие на мотыльков. Они мягко ложились на землю, чтобы укрыть своими телами семена трав от снега и зимней стужи.

РЕКА Пережитое
РЕКА **ВРЕМЕНИ**
ВРЕМЕНИ

Валентина Петровская
Канита Ямилова
Михаил Аликин
Александр Михайлов
Алексей Сидоров
Светлана Копылова
Анатолий Пилипенко
Валентина Чазова
Александр Мальцев
Алексей Галузин
Андрей Коноплев
Дина Толц
Иван Гилев

ВАЛЕНТИНА ПЕТРОВСКАЯ

*г. Березники***Я В РОССИИ. РОССИЯ - ВО МНЕ**

Кони ночью заржали. Кони.
Растревожили синеву,
И с земли, как с большой ладони,
Посрывали цветы, траву.
Поднасытившись, конь буланый
Вдруг заржал и копытом забил.
А я вижу – клинок булатный,
А я слышу – рог протрубил.
Я не латник, не воин, не всадник,
Не умею сидеть в седле,
На плечах моих – дедов ватник.
Но почувствовала в себе,
Как несут меня дикие кони
Прямо в омут судьбы. От погони
Не укрыться, не спрятаться. Где?
Я в России. Россия – во мне.

О Муза, не покинь меня!
Что значу я без твоего огня?
Что значит ночь за окнами пустыми?
Пустыня...
Отныне
Тебе одной могу служить,
И для тебя лишь – жить.

Есть музыка слов,
И есть музыка света.

Воркуют голуби под крышей,
Рыдает брeнная душа.

Лишь я могу – без ног на лыжах,
Лишь я могу – без песни петь.
Меня поймут, меня услышат –
Кто хочет жить и умереть.

Зной летний дремлет под березой,
Полоской яркой – в небе самолет,
Звезда-пылинка льдинкою морозной
Отправилась в неведомый полет.

Трава легла, тревожная и пьяная.
Цветы закрылись, знойный ждут рассвет.
Луна печальная царевной Несмеяной
Несмело льет сиреневый свой свет.

Во мне проснулось дивное и древнее.
Надвинулось. Запели соловьи.
Душа моя, как веточки у дерева,
Ввысь устремилась с матушки Земли.

ПУТЬ НАПРАВО. ПУТЬ НАЛЕВО

Каплет с крыши. Каплет с крыши.
Вышло солнышко повыше.
В феврале еще зима.
Глубоко в снегу дома.

Однобокая дорога
Вьется-вьется от порога,
В бор сосновый, в лес еловый,
В царство Снежной королевы.

Путь направо, путь налево,

По какому же пойти,
Теремок чтоб свой найти?

Там, быть может, королевич
Ждет давно уже меня –
Возле печки, у огня
Для меня печет оладьи...

Так-то славно с ним поладим.
Позабудем про дела,
Про заботы и тревоги.
Не найду вот, жаль, дороги.

Что мне сделать для вас?
Нарисую вам сказку,
Пока не сгубила усталость.
Только жаль, очень жаль,
Потеряла вот краску,
Которой рисуют радость.

Я искала ее на холодном снегу,
Я искала ее на зеленом лугу,
Среди звезд бесконечного неба,
Но, как видно, ее и не было.

Что мне сделать для вас?
Я сыграю вам песню,
Что всех в мире чудесней,
Да еще не одну.
Только жаль, очень жаль,
Порвала вот струну.

Что мне сделать для вас?
Ночь уходит в рассвет,
Ночь уходит в рассвет,
А ответа все нет.

Я снова чувствую, я вижу,
Я наслаждаюсь жизнью, выжив.
В окно гляжу на мир спасенный,
Спасибо, тополек зеленый,
Спасибо, небо и Земля,
За то, что снова с вами я!

КАНИТА ЯМИЛОВА

г. Чернушка

О. ОДИНОЧЕСТВО. КАК ТВОЙ ХАРАКТЕР КРУТ...

Прогуливаясь летом на коляске по улицам города, я всегда всматриваюсь в лица людей. И вижу такое одиночество на многих лицах! Одиночество бывает разным. Одиноким бродяга, одинокие в домах престарелых, одиночество вдали от родного дома, одинокий в обществе, в толпе, в кругу друзей, одинокий в семье, одинокий... одинокий. Одиноких много везде!

Каждый из нас, по сути, в той или иной степени подвержен одиночеству. Может, это нормальное явление? Ведь мы приходим в этот мир одинокими и покидаем его тоже наедине с собой. Но дело в том, что одни люди одиночество переносят хорошо, более того, у них возникает потребность периодически уединяться, чтобы вести диалог с самим собой, пообщаться со своей совестью (своим Богом). А другие, наоборот, тяготятся даже кратковременным одиночеством. Почему так: одни могут переносить это, а другие – нет? А может, одиночеству надо учиться? Вспомним Ф. И. Тютчева:

*Лишь жить в себе самом умей –
Есть целый мир в душе твоей
Таинственно-волшебных дум;
Их оглушит наружный шум,
Дневные разгонят лучи, –
Внимай их пенью – и молчи!..*

Тогда состояние одиночества из тягостного могло бы превратиться в желанное. И вполне естественным показалась бы потребность общения. Ведь человек создан не для одинокой жизни, но для совместной – для того, чтобы любить себе подобных и находить счастье, радость в общении с ними.

Для одинокого человека кажется все пусто вокруг. Длинные пустые дни, вечера, пустые комнаты, разочарованность, апатия – отсюда словно вялые и рыхлые нервы. Ему кажется, что жизни до него нет дела. И вот тут-то каждый ведет себя по-своему. Ограниченные и не очень-то требовательные к себе люди от непонимания того, что с ними происходит, обычно ищут виновных во всех и во всем вокруг. А иные записываются в разряд лишних людей и замыкаются в себе.

Человек, привыкший к анализу, взвешивает все. И, не найдя причин извне, обращается к поискам причин в себе. Хотя и не понимает, в чем его вина, но болит совесть от ощущения виноватости во всех неприятностях близких и окружающих. Некоторые же находят выход, всецело погружаясь в профессию (актеры, художники и пр.). В общем, по-разному переносим мы свое одиночество.

Нечто подобное я и сама пережила в своей жизни. Помоему, у каждого мыслящего человека однажды наступает своеобразный «кризис среднего возраста». Я тоже не была исключением, столкнувшись в этом возрасте со всеми «прелестями» состояния одинокого человека. Хотя, по сути, одинокой не была. По моим предположениям, кризис возраста – это вполне закономерно. Зачастую до этого предела мы живем, не задумываясь основательно и всерьез о смысле жизни. Ставим малые цели и живем впечатлениями от достигнутого, испытывая крупницы счастья. А радость, о которой мечтаем, все не наступает. Мне кажется, что когда человек живет лишь впечатлениями, и только, он живет ложной, словно призрачной жизнью. В то время как истинная его жизнь остается неполноценной. И как результат – ощущение утомляемости и скуки. Именно тогда, в самый ответственный период своей жизни, человек должен определиться в очень многом. Отнюдь

не случайно по статистике большее количество несчастных случаев и серьезных болезней, приводящих к инвалидности, приходится именно на этот период.

Лично для меня смысл жизни определился, когда я везде и всюду стала видеть одну пристань и берег – Бога. И все свои дела стала совершать именно во имя Его, а не ради лишь своих удовольствий.

Конечно, было бы гораздо лучше, если бы я сумела определиться со смыслом жизни ценою не столь больших и серьезных потерь. Но тем не менее я об этом не жалею, иначе бы так и не поняла ни жизни, ни своего предназначения. Я еще не встречала человека, получившего инвалидность в зрелом возрасте, который бы не жалел о своем, как ему казалось, прекрасном прошлом. Не знаю, может, не все так искренни, как я. Я же всегда говорю, что не жалею ни о чем. Хотя у меня было все, что считают многие необходимым для счастья: любимая работа, любящий муж – хороший семьянин, дети, нормальная квартира с обстановкой, машина... Кроме детей, я все это потеряла. И, потеряв все, приобрела больше – Бога, я стала счастливым человеком в самой себе. Такого счастья я раньше не знала. Покинуло меня и чувство одиночества. Не бывает продолжительных депрессий, то есть нет той пустоты, которую, по моему мнению, никто и ничто не может заполнить, кроме Бога.

Этим своим откровением я не призываю вас, мои дорогие, уважаемые читатели, чтобы вы окунулись в религию, как в омут, с головой. Я пожелала бы, чтобы каждый имел истинное понятие о Боге. Хочется привести слова великого русского ученого-хирурга Н. И. Пирогова: «Понятие о Боге не признаю специальностью мудрецов века, а считаю неотъемлемой и самую дорогую собственностью каждого мыслящего человека».

Я ВЫЖИЛА. НО... БЕЗ ТЕБЯ

Вновь и вновь в мыслях возвращаюсь к тебе. Сопоставляю, каким я знала тебя и каким ты предстал, когда постигло тебя серьезное испытание жизнью. Анализирую твои последние поступки. Оказывается, я ошибалась в тебе, принимая тебя за другого.

За что же я любила тебя? Так часто теперь задаю себе этот вопрос! Я смотрела на тебя как на эталон красоты и порядочности. И сейчас, если подумать, отыскать причины, вызвавшие по отношению к тебе такой взгляд, такие чувства, их нетрудно найти. Внешне ты был привлекательным, ровным. Умел сохранять спокойствие в любых обстоятельствах. Внимательный. Никогда голоса не повышал. Когда говорили другие, не перебивал. Детей и животных не обижал. На лице всегда отражалась любезная и скромная улыбка. От одного взгляда на тебя у меня сердце замирало.

Ты был трусом, а я этого не знала. Но жизнь мудрее нас. Она нам обоим устроила испытание: тебе – на человеческую зрелость, а мне – на прочность. После того несчастного случая она всё расставила на свои места, выявив в каждом из нас истинную суть. Нет, ты не сломался, а расчетливо захотел избавиться от трудностей. И решил: самый верный путь для тебя – это оставить больную, бесполезную жену с маленькими детьми на произвол судьбы. Как верно сказано: от трусости до предательства один шаг. Вскоре ты женился на молодой и здоровой. В погоне за собственным счастьем вел себя так, словно нас никогда не существовало в твоей жизни. Но ты не учел главного: игнорируя законы нравственности, нельзя стать счастливым человеком. И ты им не стал.

Спустя 12 лет ты приехал ко мне сказать об этом. Хорошо хоть, хватило у тебя на этот раз мужества.

И опять-таки причину своего несчастья ты усмотрел во мне: «Я глубоко несчастен, потому что ты не прощаешь меня». Как жаль, что ты до сих пор не понял, что предательство близких начинается с предательства самого себя.

Что касается меня, то я давно все простила, возложив бремя суда на Бога. Ибо я поняла: прощение прежде всего нужно мне для моего же благополучия. Поскольку, *не умея прощать, нельзя стать счастливым человеком*. Ты сам себя не можешь простить за поступок, на который некогда с такой легкостью решился, значит, не прощает тебя Бог. Вот в чем причина твоих душевных мук, а не во мне.

Между тем память меня возвращает к дням, когда ты нас покинул. Это был самый трудный, описанию не поддающийся период в моей жизни, когда моральные силы оставляли меня, душевные страдания пересиливали физический недуг. Дни стали темнее ночи. Наступил критический момент. На чашу весов были поставлены жизнь и смерть (добровольный уход из жизни). И жизнь, и смерть казались в равной степени ужасными. Я встала на сторону жизни. Сколько пришлось приложить сил, чтобы взять свою судьбу в собственные руки, обрести себя в новом качестве и... без тебя! Шаг за шагом преодолевая себя, стала учиться самостоятельности. И одержала победу, для меня самую большую. Я, во всем зависимая от других, добилась полного самообслуживания и научилась в быту обходиться без посторонней помощи. Чего мне это стоило – знает один Бог. Я за это себя уважаю, люблю и горжусь собой. Без ложной скромности могу добавить еще: я достойно себя повела перед этим ужасным испытанием. За это мне судьба подарила немало по-настоящему счастливых и радостных дней. Были в

моей жизни дружба, любовь, увлечения. Без них была бы моя жизнь неполной. И еще я испытала главное: меня посетило озаренье, и я узрела Бога. Это дало возможность пользоваться неиссякаемым внутренним счастьем, несмотря на все злосчастия этой жизни. Поэтому, это самое большое благо из всех благ, что только Бог может предложить своему Творению на этой Земле.

Сейчас я хорошо знаю тебя и тебе подобных – я вас вижу насквозь. Подумать только... На лице у настоящего человека разве не будут отражаться волнения, тучи и даже бури, если он не равнодушен, если им не руководит подлое спокойствие души? Разве может человек не горячиться, не повышать голоса, не раздражаться и не проявлять все это в истинном виде?! Эти вечно спокойные, улыбчивые, ангельские лица... Нет, теперь меня этим не обманешь!

Видимо, такие, как ты, для этой жизни тоже нужны. Теперь я могу даже сказать тебе спасибо. Спасибо за то, что ты невольно помог мне открыть многие истины. И себя тоже.

МИХАИЛ АЛИКИН

г. Чайковский

Она сидела, а он спал –
Такой пушистый, белолобый.
Она стара, а он был мал,
Но одиноки были оба.

Над нею беды пронеслись
И убелили сединами.
Он только лишь увидел жизнь
Темно-зелеными глазами.

Котенок спал, и тишина
Плыла в тот миг под облаками.
Его погладила она
Большими, темными руками.

Касалась едва-едва,
Чтоб не дрожал он от испуга.
Два одиноких существа
Нашли в тот тихий день
друг друга.

У тихли в эту ночь метели,
Снег серебрится под луной.
Укутал он березы, ели,
И всё объято тишиной.

Вот деревенька. Вот избушка
Дымит железною трубой.
За самоваром мать-старушка
Ждет не дождется нас с тобой.

Мы ту деревню позабыли,
Нас не собрать под Новый год.

Часы двенадцать уж пробили,
А мать-старушка ждет и ждет.

Потухнет ветхая печурка,
Остынет самовара медь,
Лишь у порога кошка Мурка
Не перестанет песню петь.

Под огромным синим небом
Солнечная звень;
Ах, как сладко пахнет хлебом
Августовский день.

Пахнет хлебом, пахнет мятой,
Травкой луговой...
Облака плывут куда-то,
Манят за собой.

Скрыта пылью, словно бронью,
Зелень у дорог.
Гладит луг своей ладонью
Свежий ветерок.

Но хоть зноем раскаленным
Август и звенит,
На листе, еще зеленом,
Золотая нить.

Первый осени посланец –
Алый цвет рябин,
Вспыхнул девичий румянец
Тоненьких осин.

Стая птиц промчалась мимо,
Холодок утра –
То идет неумолимо
Осени пора.

ЖИЗНЬ

Жизнь – это жалкая тряпица,
А время злобное стремится
Ее в лохмотья превратить.
И счастье на миг порою
На них фальшивую игрою
Мелькнет, как золотая нить.

Но лжет та блеска золотая,
Поддельный блеск ей только дан,
И ювелир, ее вплетая,
Готовит нам еще обман.

Но все же:

Пусть жизнь – убогая тряпица,
Но с неба солнца свет струится,
Ее, как сердце, золотя;
Есть в небе яркие закаты
И роз прекрасных ароматы,
Тогда я счастлив не шутя.

Жизнь весела и жизнь легка
И для свободного поэта.
Пускай же счастье бродит где-то,
А на душе лишь облака.

И своего пусть нет угла,
О, лишь бы сердце жарко билось,
И звонко песня возносилась,
И на душе любовь жила!

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВ

г. Чайковский

НОЧЬЮ

У снул наш дом. И встречи час
Вошел в мое сознание.
Ты и не знаешь, что сейчас
У нас с тобой свидание.

Вновь губы теплые твои
Целуют в сердце самое,
Минуты сладостной любви
Я воскрешаю заново.

Любовь, как море, глубока,
И ты к ней в плен захвачена.
В моей руке твоя рука,
Как кипятик, горячая.

Вновь вижу я твое лицо
Взволнованное, бледное.
На правом пальчике кольцо
Дешевенькое, медное.

На лбу колечком прядь волос.
Глаза, как звезды, светятся.
Бегут дорожки горьких слез:
«Верь, любимый мой, мы встретимся».

Притих сумеречный бульвар.
Народу нет на улице.
Мне сердце жжет холодный жар,
Душа дрожит-волнуется.

Бегут рекламные огни,
И фонари качаются.
А мы с тобой всегда одни,
И это не кончается.

ИЮЛЬСКИЙ РАССВЕТ

Предрассветный туман опустился,
Пеленою окутал кусты,
Каждый листик росой умылся,
Тяжелеют от влаги цветы.

Серебристые звезды тускнеют,
Мир земной тишиною одет,
На востоке заря розовеет,
Разливая предутренний свет.

Вот и солнечный луч засветился,
По полям, перелескам шагнул,
В каждой капле росы отразился,
Чистым жемчугом ярко блеснул.

Шумной стайкой скворцы пролетели,
Воркотнул полевой голубок,
В небе жаворонки зазвенели,
Обещая чудесный денек.

СОН

Деревня, родина моя,
Опять приснилась мне.
Отцовский дом, садок, скамья,
Герани на окне.

Здесь я родился, рос и жил,
Пил мамин сытный квас.
Вот здесь поленницы ложил,
А там корову пас.

Рябину эту я сажил,
Ей нынче много лет.
По этой тропке проходил,
Неся отцу обед.

В земле родители мои,
Не встанут – плачь не плачь.
Молчат над речкой соловьи,
И не скрипит дергач.

Глухая ночь. И тишина.
Всё спит. Движенья нет.
С небес громадная луна
Льет серебристый свет.

В садах черемуха цветет,
Как много лет назад.
По спящей улице плывет
Густейший аромат.

Я им дышу – не надышусь.
Вновь молод и силен.
Проснулся. Грудь стеснила грусть.
Какой хороший сон!

АЛЕКСЕЙ СИДОРОВ

г. Чайковский

КАЙФ

Рассказ

В первые всю серьезность своего инвалидского положения Левка стал осознавать годам к одиннадцати, а до этого, несмотря на свою беспомощность, как-то не ощущал. Вероятно, потому, что рос в многодетной семье, окруженный заботой и вниманием. Симпатичный голубоглазый мальчишка с розовыми бархатистыми щечками был любимцем не только родителей, братьев и сестер, но и их друзей и подруг. Его даже на минуту не оставляли одного, не давали скучать. Летом, когда приходила компания ребят, его всегда брали с собой, таскали по всему микрорайону. Соседский парень – великовозрастный Патя-Балбес, получивший кликуху за то, что в свои шестнадцать лет учился в пятом классе, – возился с ним как с родным. Если надо было идти далеко, например, на Каму, кататься на лодке, хватал под мышку и тащил визжавшего от восторга Левку, как котенка. Зимой, правда, было не так интересно.

Иногда ему читали книжки, он любил слушать радио, смотреть телевизор, купленный специально для него на отцовскую премию. Из школы ходила учительница. Но время шло. Братья и сестры стали разъезжаться кто куда из родного дома: кто учиться, кто в армию. Вдобавок произошло важное событие. Его семья из маленького районного городка переехала в крупный областной центр. На новом месте Левкина жизнь стала сложнее. С ним уже никто так не возился, его просто выносили на крыльцо, где он и сидел один. Незнакомые мальчишки нередко дразнили, оскорбляли его, правда соседские их гоняли.

Было одно утешение: ему все больше и больше нравилось учиться. Начальные классы он закончил на отлично, хотя писать не мог – всё приходилось делать устно. Его ставили в пример всему классу. Познакомился с ребятами-одноклассниками, те стали ходить к нему по очереди, человек по пять. Появилась подружка – Галка, которая приходила чаще всех и вне всякой очереди. Левке очень льстило внимание девочки, и он старался оправдать ее доверие. Они обсуждали прочитанные книги, помогали друг другу в учебе, иногда играли в шашки. Когда Галка уезжала в пионерлагерь, писала письма.

Так продолжалось года три. Но с некоторых пор Левка начал замечать, что их отношения стали меняться, появились какие-то тягостные паузы. Она приезжала ненадолго и все реже и реже. Если раньше, когда позволяла погода, они часами болтали на крыльце, то теперь она старалась побыстрее попасть с ним в дом, явно стесняясь посторонних глаз. Он, в свою очередь, испытывал неловкость, смущение, когда их вместе видели знакомые ребята, потому что в свои 15 лет Галка из невзрачной девчужки превратилась в стройную, красивую девушку. Невольно сравнивая себя с ней, он стал понимать, какие они разные.

Как-то солнечным весенним днем Левка как обычно сидел на крыльце. Он был в парадно-выходном костюмчике, белой рубашке и при галстукке по поводу Первого мая и Пасхи одновременно. Родители ушли в гости, обещали долго не задерживаться, к тому же должен был прийти брат. Прошло около четырех часов. За это время он не скучал – болтал с соседскими парнями и девочками, поздравлял знакомых с праздником, наблюдал за прохожими. Все было хорошо, но он уже прого-

лодался и, зная, что в сенях стоит блюдо с вареными яйцами, попросил соседского мальчишку принести парочку и покормить его. Тот принес, почистил, но яйца оказались недоваренными, а белоснежная Левкина рубашка – безнадежно испачканной. Желая загладить свою оплошность, пацан сбегал за мороженым и, сколько Левка ни отнекивался, все-таки накормил его, уделав окончательно.

И в этот момент Левку бросило в жар, в горле появился легкий спазм: к дому приближалась Галка. Подошла, стала разговаривать, как ни в чем не бывало. Левка даже попытался непринужденно пошутить, что в городе он сейчас самый красивый и по случаю Пасхи освящен яйцами. Тут, как назло, подошла Галкина подруга, еще больше добавляя досады. Спазм усилился, Левку стало дергать, лицо искажали гримасы. Между тем мальчишка старательно вытирал Левке лицо носовым платком. Если бы это делала Галка, то для Левки ситуация была бы в корне другая, но она стояла и смотрела. И тут для полного счастья подвалила компашка каких-то парней, в которой оказались Галкины знакомые. Левку они видели впервые. Стали говорить пакости в его адрес, насмехаться. Левка был на пределе.

Уходя, один из парней бросил: «Ну и урода нашла». Постояв еще немного, Галка с подругой ушли. Через несколько минут появился брат. Принес бутылку кагора, предложил выпить по случаю праздника. Левка не отказался первый раз в жизни. Выпив два стакана, вырубился, уткнувшись в братовы колени. Тот гладил его по голове, приговаривая: «Все пройдет, ты же, Левка, мужик, умеешь держать удар; когда железо бьют, оно только крепче становится...»

После этих праздников Левка возненавидел весь белый свет. Все лето редко бывал на улице, в основном, читал да смотрел телевизор. Галку он больше никогда не видел.

Наступил следующий учебный год. В первых числах сентября прибежал запыхавшийся одноклассник Колька. Объявил: «Великое ЧП – украли мелкокалиберную винтовку. Менты шерстят всех, таскают, приводили даже ищейку». Прошел месяц. Сначала о краже говорили много и ребята, которые по-прежнему приходили, и учителя. Потом стали забывать. Виновных не нашли, как милиция ни старалась, хотя, в принципе, круг подозреваемых, из которых несколько человек учились в его классе, был известен. Но улики не было. Так это дело и заглохло.

Левку осенила мысль попытаться раскрыть кражу самому. Разработать план с его фантазией и начитанностью не составляло труда. В компании приятелей подозреваемых он завел разговор, что якобы восхищен теми ребятами, которые так легко взяли винтовку, и все такое. Оружие, да еще нарезное, иметь, конечно, здорово: можно и на волков сходить, и разобраться с кем хочешь. Покажешь обрез – и никаких дискуссий. А с другой стороны, с оружием связываться опасно. Недаром говорят: всё тайное когда-нибудь становится явным. Мало ли, узнает кто случайно, и «загремишь». Будь он на месте тех парней, толкнул бы «мелкашку» подороже да купил что-нибудь стоящее, например мотороллер, и гонял бы в свое удовольствие. Только вот вопрос: где найти покупателя? Не пойдешь же на базар?! Его внимательно выслушали...

Через неделю пришли сами подозреваемые – поговорить. Левка сказал, что у него есть знакомый, который, дескать, хотел бы достать, конечно по разумной цене,

нарезной ствол. В принципе, он мог бы приобрести его законно, но нужны специальные документы, регистрация – и, вообще, все это очень хлопотно и дорого. Ребята ушли явно заинтересованные. А когда на другой день попросили свести их с тем человеком, Левка ответил, что если они могут что-то предложить, то он уполномочен вести предварительные переговоры, так как покупатель не хочет «светиться». Еще через несколько дней, видно не выдержав соблазна, парни предложили купить у них винтовку. На это Левка, с досадой плюнув, сказал, что, пока они сомневались, «клиент» на время уехал, и сделку придется отложить. Потом, как бы между прочим, спросил у расстроенных ребят, где хранится «товар». И в конце концов с помощью ничего не значащих вопросов узнал все, что можно было узнать.

Левка ликовал! Опытные следователи-профессионалы не могли раскрутить каких-то «желторотиков», а он, без рук, без ног, не выходя из дома, сумел. Это был кайф!

СВЕТЛАНА КОПЫЛОВА

г. Пермь

Я родом из сказки
Спокойной, неброской –
Неяркие краски,
Звезд северных россыпь...

Поскотин да пожен
Зеленых полоски,
На заводи тихой
Листочек березки...

На взгорьях осины,
Да хмурые ели,
Да летние сини,
Да песни метелей...

В той сказке
Простые и добрые люди.
Негромки, незвонки
Их скромные будни...

Ой Север, мой Север,
Хоть редко ты ласков,
Живешь в моем сердце
Заветною сказкой!

Давным-давно,
В семнадцать лет, мечталось
О той любви –
Как небо, неоглядной,
О той любви –
Как море, необъятной.
Да вот любовь
Другая мне досталась...

ХРАМЫ
ХРАМЫ ПЕРМИ
ФОТОЛЕТОПИСЬ ПЕРМИ

И. АНТОНОВСКИХ
г. Пермь

Петропавловский

собор

Казанская церковь

(Во имя иконы Казанской Божией Матери)

Часовня

(Во имя св. Стефана Великопермского)

Феодосиевская церковь

*(Вознесенская церковь
Во имя св. Феодосия Черниговского)*

Художественная галерея

(Спасо-Преображенский кафедральный собор)

Свято-Троицкая (Слутская)

церковь

Всехвятская (Во имя Всех Святых)

церковь

Синагога

(иудейский молитвенный дом)

Мечеть

(мусульманский молитвенный дом)

Костел
(римско-католическая церковь)

Кирха
(лютеранская церковь)

Успенская церковь

(Успения Пресвятой Богородицы)

Она, любовь моя,
Такая трудная,
Идет со мной по жизни –
Вместе мается,
То затоскует
Грустью непробудною,
То засияет вдруг,
Заулыбается,
То понахмурится
Враз черной тучею,
То обогреет теплым
Летним солнышком...
Держи любовь свою,
Ходи да мучайся,
Как по-над пропастью
По тонку бревнышку...

БРАТУ

Бросай Москву, бросай дела и книги.
Поедем в Пижму – август-месяц тих.
Там вековые ожидают лики
Полузабытых пращуров моих.
Иконостас у бабушки старинный,
Сурово смотрят с горной высоты
Их образа – священные картины
Древнеславянской строгой красоты.
Смотри, как строги и чисты их взоры.
Их жизнь светла и праведна была.
Они б считали грязью и позором
Сегодняшних праправнуков дела.
Они в скиту сожгли себя за веру,
Достоинство и честь свою храня.

И на могиле этих староверов
Огромный крест – отсвет того огня.
Поедем в Пижму, брат...

Нам с тобой
Давно бы надо
Просто рядом посидеть,
Друг на друга
Добрым взглядом
С тихой грустью поглядеть.

Все, что было,
Все уплыло,
Поросло быльем-травой.
Вот сидишь ты рядом, милый,
С поседевшей головой.

Поседевший,
Постаревший,
Но все так же дорогой.

Что в глазах твоих увижу,
Все оставлю при себе.
Ни словечком не обижу,
Не пожалуюсь судьбе...

Нам с тобой
Давно бы надо
Посидеть друг с другом рядом...

ПОДСНЕЖНИКИ

Подснежники – под снегом нежность
Таилась тихо до весны.
Ей снились голубые сны
И неба синего безбрежность.

Мечта о солнечном тепле
Ее зимою согревала.
От скрытой нежности светлей
Казалось снега покрывало.

Под хрупкостью своей тая
Большое мужество и силу,
Тянулась к солнцу: «Я – твоя!»
И снег любовью растопила.

Очарования полна,
В лесу девчонкой босоногой
Среди проталинок она
Была как песнь Яриле-богу...

Подснежников лесная нежность,
Звнящий и поющий стих,
Мечтаний светлых неизбежность
И тени юных лет моих...

Немало мной исхожено дорог
И обуви изношено немало.
Присела я сегодня на порог,
Задумалась, прикрыв глаза устало.

Мне дорога любая из дорог,
Я в жизни легких тропок не искала,
Любой из них был свой отмерен срок,
На каждой обретала и теряла.

Лежит на сердце горечь тех утрат,
И радость от находок глубока,
Не оттого ль в стихах моих звучат
Попеременно счастье и тоска?..

АНАТОЛИЙ ПИЛИПЕНКО

г. Пермь

ШКОЛЬНЫЙ ЗВОНОК

Я снова на родине. Все изменилось.
Я словно чужой в дорогих мне краях,
Где юность когда-то моя проходила
В суровые годы, но в светлых мечтах.
Вот школа. И робость моя перед дверью.
Сняв шапку, приветствую старый звонок.
Занятия в классах, и хочется верить,
Что я опоздал на один лишь урок.
Мне дороги школьные воспоминанья.
Здесь дружба окрепла, родилась любовь,
Здесь мне приоткрыли секрет мирозданья,
И чувствую я себя школьником вновь...
А жизнь, подгоняя, нас мчит непрерывно,
И с разных широт, в перекрестках дорог
Звучит в моем сердце все так же призывно
Всегда молодой старый школьный звонок.

Александру Маринеско

Мы приливов долго ждали
На большой мели.
Волны дикие швыряли
Наши корабли.
Незаметною подкралась,
Как весной гроза,
Неминуемая старость –
Выжгла паруса.
Позывные безответны
В мраке пустоты.
Корабли несут по ветру
Голые кресты.

Так случилось. На шестом десятке,
Словно застарелый ловелас,
Я готов сдаваться без оглядки
В чудный плен неповторимых глаз.
Забывая годы отчужденья,
К моложавым женщинам тянусь,
В их глазах читая удивленье,
Не приемлю тягостную грусть.
И не сдержит радости порыва
Строгой очередности закон.
Улыбаться жизни над обрывом
Запретить не смеет даже он.
Так вперед! Благослови удачу,
Мой хранитель, ангел-херувим.
Если я еще чего-то значу,
Значит, кем-то должен быть любим.

ВАЛЕНТИНА ЧАЗОВА

г. Пермь

ОСЕННИЙ ДОЖДЬ

По злomu осени наитью
Природа хмурится, скорбя,
И нескончаемые нити
Плывут осеннего дождя.
Они окутывают землю
Печали пряжей и тоски.
И думы грустные, что дремлют
Весной и летом, к нам в виски
И в сердце тихо постучатся,
Без приглашения войдут
И днем заставят огорчаться,
А ночью спать нам не дадут.

ЗОЛОТАЯ ОСЕНЬ

Вихри листьев расписных
В журавлином грае.
Закружила нас двоих
Осень золотая.

Осень, осень, не маши
Нам рябины веткой.
Видно, осень, стала ты
Песней недопетой.

Не смутили наш покой
Ни весна, ни лето.
Осень дарит нам с тобой
Грезы до рассвета.

Мы брели без дум, без слов,
Ежась и скучая.

Вдруг навстречу нам любовь
Вышла молодая.

Полыхнула, обожгла,
Развернулась круто.
На раздумье не дала
Ни одной минуты.

Сон забыли мы тогда,
И покой забыли.
Звезды ярче, чем всегда,
Нам двоим светили.

И цвели для нас двоих
Астры, георгины,
Ощущался на губах
Терпкий вкус рябины.

Грусть вплеталась в разговор,
Словно паутинка.
И туманила твой взор
Светлая слезинка.

Упадет в ночи звезда,
Где-то пропадая,
Ведь она не навсегда —
Осень золотая.

СУДЬБА МОЯ

Живу не в клетке, но в неволе,
Без пут, но связанная я.
Такая мне досталась доля,
Сложилась так судьба моя.

Среди друзей я одинока,
Среди родных чужая я.
И опостылела до срока
Мне жизнь нескладная моя.

Все не сложилось, не склепалось,
И поросло все трын-травой,
И только бедной мне осталось
Просить у Бога упокой.

Пусть на безродную могилу
Цветы посадит кто-нибудь.
Я в жизни всех людей любила,
Сама прошла я трудный путь.

Путь неудач и неурядиц,
Обмана, ханжества и зла.
Простите все мне, Бога ради,
Кому я горе принесла.

Без злого умысла, быть может,
Когда обидела кого.
Как прекратить, о святой Боже,
Земных мучений торжество?

АЛЕКСАНДР МАЛЬЦЕВ

г. Очер

ПРО КОТА

Быль

Укота было тяжелое детство. Мать внимания уделяла мало, братьев и сестер куча. А хозяйева так и вовсе не любили, потому что кот был черный. Так он и рос поначалу, никем не любимый и не ласкаемый. Но вот однажды поздним осенним вечером кота засунули в сумку и унесли. И принесли ко мне.

Всего-то он поначалу боялся, но постепенно пообвык, и стали мы с котом жить-дружить. Все бы хорошо, да вот беда – драться, защищать себя кот не мог. Тихоня. Сказалось тяжелое забитое детство. «Мя-а-а» – меня бить собираются! «Мя-у-у» – уже бьют! – орет, бывало, мой кот. Тороплюсь как могу на помощь, выручать надо друга.

Так у нас и покатилося колесо времен: зима – лето, весна – осень. Жужжит станок, летит стружка, мой помощник сидит рядом в опилках весь. Когда его принесли, у нас была хозяйка. Потом не стало. А кот еще долго, как зайдет какая женщина, с радостью лез на колени. Вдруг это будет его хозяйка? Да разочаровался со временем. Нету для него хозяйки. Ну да ладно, нам и вдвоем хорошо. Крутится колесо времен: зима – лето, весна – осень.

Увели в самые морозы хозяина куда-то. Нет и нет. Пошел кот искать друга. Не нашел нигде, только уши обморозил. Хлебнул горя. Привезли наконец-то домой хозяина. Но что такое? Должно быть на двоих восемь лап, а стало шесть. У хозяина двух нету. Понял кот, что должен сейчас защищать не только себя, но и друга. Шум ли какой подозрительный, шаги ли – кот рычит,

хвостом крутит. Попробуй кто нас обидеть! А вражеские коты – так держитесь лучше подальше. Грозная черная пантера здесь живет, а не кот вовсе! Крутится колесо времен. Жужжит станок, летит стружка...

Влюблялся кот два раза. Первый раз поздней осенью уже. Ходила-гуляла черная киса, похожа на него – копия. Только поменьше. Увидел ее кот и от удивления язык высунул. А потом до самых снежных холодов сидел на крыльце и ждал. Не появится ли еще эта красавица? Нет. Не пришла больше. Второй раз кот влюбился в женщину. Приходила нам помогать по хозяйству. Добрая и отзывчивая. Очень уж она нам нравилась. В выходные ее нету, так кот сам не свой ходит. Но все хорошее имеет плохую привычку кончаться. Однажды наша благодетельница не пришла. Не появилась и потом. Обстоятельства. Весна нынче холодная, но кот мужественно сидит на крыше сарайки и с грустью смотрит вдоль улицы. Не идет ли она? Нет. Не придет больше.

Крутится колесо времен... Так и бредем, ползем по ухабистой дороге жизни, полной недоразумений. Вот уж и усы у нас седые, и дыхание Вечности все ближе. Да не горюем мы, это все – потом. А сейчас, мой добрый кот, верный Санчо Панса, лето на носу! Солнце, травка, тепло. Всё будет хорошо.

АЛЕКСЕЙ ГАЛУЗИН

с. Б. Соснова

НИТЬ

Живу среди людей, их всегда было много,
Я мог бы для них и писать, и творить.
Но некому душу отдать, кроме Бога,
И некому сердце свое подарить.

Глухая стена безразличия в людях,
Как будто бы пашут, и сеют, и жнут,
Как будто бы ждут, и как будто бы любят,
Как будто бы верят во все, чем живут.

Не эта ли вера в преддверии века,
Грядущего по временам бытия,
Ведет к разрушению свойств человека,
Которым, случайно, но мог быть и я?

Не эта ли тяга к стремлению выжить,
А выжив, стремиться богаче зажить,
Перечеркнула умение видеть
Едва различимую Космоса нить?

ПОКАЯНИЕ

И не от сознания чистого,
И не от пожарных сирен
Кленовая веточка истово
Крестилась на тени антенн.

А рядом, у церкви Владимирской,
На свет золотого креста,
Паря над рекой суеты мирской,
Молилась сама нищета.

Без ропота и без отчаянья
Молитва текла в небеса,
Молилось само покаяние
Истории колеса.

НЕ УМЕЮ

Я не умею галстук завязать,
От неудачи быстро «делать ноги».
И не умею кукиш показать
Болезни, обивающей пороги.

Я не умею время обнимать,
И деньги, и подарки. Будь неладен!
И шляпу перед подлостью снимать,
И трупы с перемерзших перекладин.

Я не умею чествовать врага,
И не умею радоваться горю.
Соединить в единый берега
Никто не может тоже. Я не спорю.

Я не умею вспарывать уют,
И от тебя уйти, хоть вышли сроки.
Я не умею петь, когда поют
В моей душе есенинские строки.

Я не умею многого. Но я
Стихи от неуменья сочиняю.
Меня влечет поэзия моя.
Откуда что берется? Я не знаю.

МАТВЕЕВКА

По изгибам, по хатам расхристанным
Заброшенность бродит волчицею.

Затопленный катер у пристани
Обжит перелетными птицами.

Журавль без ведра, перекошенный,
Ручищею длинной приветствует.
Запущенный сад, неухоженный,
Значению не соответствует.

Сараи застыли в падении.
Жилища с пустыми глазницами.
Трава захлестнула владения.
Жалею, что это не снится мне.

И место прекрасное вроде бы,
Деревня моя горемычная.
Матвеевка – малая родина,
Забытая и непривычная.

АНДРЕЙ КОНОПЛЕВ

г. Пермь

ИЗ ПСАЛТЫРЯ

Псалом № 1

Блажен, кто не имеет части
У нечестивых на совете,
Не одержим греховой страстью,
Но прочен в Божием завете.

Как дерево, что при потоках,
Плод святости в свой срок приносит,
Тот человек, что любит Бога,
Успеет он во всех вопросах.

Но нечестивые – столб пыли,
Что возбуждаем сильным ветром:
Дар милости они забыли
И перед Богом безответны.

Не устоят перед Судьейю
И в сонме праведных, святых.
Но Бог намеренье любое
Уже предвидит – и спокоен
Он за возлюбленных своих!

Псалом № 2

Зачем мнутятся в панике народы,
О тщетном помышляют племена?
Законы святости Господней неуютны,
Душа порочной жаждою полна.

Правители держав восстали дружно
И вместе держат каверзный совет:

ДИНА ТОЛЦ

г. Пермь

ИЗ ЦИКЛА «ВРЕМЕНА ГОДА»

Приход весны

Оглянитесь: весна наступает,
Облака, как на крыльях, летят,
Снег на солнце сосульками тает,
И ручьи на дорогах журчат.

Сбросьте дрему и зимние шубы,
Уберите салазки, коньки,
Скоро грома веселые трубы
Протрубят золотые деньки!

Лето красное

Настало лето, и светел день,
Уж отцвела в саду роскошная сирень,
Тенистый ландыш спрятался в кустах,
И вкус малины на устах.

Проснулся лес давным-давно,
Река блестит, как серебро,
Полощет ива свои косы,
И травы пьют ночные росы.

Как рано солнышко встает
И отправляется в поход.
Пчел не страшит июльский жар,
Им время собирать нектар.

Отрадно птичье щебетанье,
Коней пригнали на купанье,
Луга покрылись ковром,
И где-то слышен дальний гром.

Вокруг все пышет, в рост идет,
Все наливается, цветет,
Пришла чудесная пора.
Подольше б длилась она!

Золотая осень

Золотая, роскошная осень
Расплескала все краски вокруг,
На деревьях тенета, как проседь,
Пышным цветом все вспыхнуло вдруг.

Кисти алые спелой рябины,
В багрец-золото крашенный лист,
И рубины на гроздьях калины,
Птичьих стай улетающих свист.

Краткосрочно то яркое счастье,
Над рекою белесый туман,
Глазу ясно – подкралось ненастье,
Сердцу кажется – это обман.

Враз замолк на дворе дождик пряткий,
Захрустел под ногами ледок.
Это осень, промокши до нитки,
Наконец подвела свой итог.

Зимушка-зима

Метель метет за окнами,
На улице зима,
Узорчатыми стеклами
Украшены дома.

С сугробами, морозами
Приходит к нам зима,

Сквозь щели пробирается
И в душу к нам она.

Где реки были быстрые,
Теперь холодный лед,
Гудит в печах нечистая
И за сердце берет.

Одно есть утешение –
Не вечная зима.
Проглянет солнце вешнее,
Растают все снега.

Зима с метелью белою
Во глубь лесов уйдет,
Весна наступит смелая,
Надежда с ней придет.

По душе мне восходы, закаты,
Дождь, гроза и раскатистый гром,
Облака, как цветные плакаты,
Деревенский приземистый дом.

Сердце радуют детские очи,
Лица женщин, улыбки мужчин,
Славлю дни и волшебные ночи,
Все года, что прошли, как один.

Знаю горе и сладкие грезы
И ничуть не жалею о том,
Что порой благодатные слезы
К горлу мне подступают, как ком.

ИВАН ГИЛЕВ

г. Березники

ИСПОВЕДЬ

Отрывок из автобиографической повести

Нет такой лодки счастья, в которую бы сел и плыл всю жизнь без волн, водопадов и крутых поворотов. На мою долю выпало провалиться в «темницу». Очнулся после тяжелого ранения – и не могу понять, где я и что со мной. Передо мной непроглядная тьма. Поворачиваю голову влево, вправо, перед глазами по-прежнему сажа. В темнице – один, не знаю, что мне делать. Думаю: «А что, если из темницы окна и дверь прорубить?»

Плотничать с детства научен. Кто-то скажет: эка проблема – топор в руках держать – невеликое искусство. Да, невеликое, но все же уметь надо. Без привычки и ноги тяпнуть можно. Только я другое «плотницкое искусство» разумею. И творится оно не руками и не топором, а разумом. Надо было необычный ключик подобрать, чтобы непростую задачу решать. Уединился я в свою душу, свет волшебный воссиял, и увидел Мошевицу родную, а на берегу избы родного села столпились. Нахожу среди них свою, захожу. За столом, под божницей, отец сидит, Евангелие нараспев читает. У русской печи мама завтрак готовит. На полатах сестренки утренние сны досматривают. Чудесное видение стало для меня иконой на всю жизнь.

Пришел срок из госпиталя выписываться. Я к иконе своей удаляюсь, спрашиваю: «Домой ли ехать, или в инвалидный дом?» Тятя, мама, сестренки в голос отвечают: «Домой, домой, Ваня! Мы тебя не бросим!»

И вот я уже дома. Поят, кормят, обиходят меня. Живи да

радуйся. Сижу в четырех стенах, как старик, будто жизнь моя уже отгорела.

Один раз девчата на вечерку позвали. Молоденький был, охота сердцу потешиться. Пришел, за стол посадили, бражкой потчуют, закуску с двух сторон подают. Мне лестно, сердце петухом поет. Пляска весело по полу задробила, а я один на лавке сижу, жду, когда в круг пригласят. Хромка пуще прежнего заухаривает, но мою жаждущую душу не волнует. Сижу, будто нищий, бражки подали, на верхосытку гармошкой угощают. Я шагнул в двери, и никто не заметил, будто в той веселой избе меня и не было.

Ощупью добрался до Мошевицы, сел на перевернутую вверх дном лодку: «Эх, была не была! Нырну-ка в родную реку – и всем мучениям конец, и не стану больше ни о чем плакать». Во рту появилась сухость, руки и ноги сделались каменными, кровь, как мне показалось, остановилась, мысль словно зажалло в щемила. Неведомая сила загнала мое существо внутрь, и я вздрогнул: передо мной явилась икона родного села, она строго смотрела на меня и с укоризной говорила: «Как ты смел, уколовшись репьем, забыть о будущей жизни?!». Ночной рыбак тронул меня за плечо: «Ваня! Почему тут, среди ночи? Пойдем, я провожу до дому». Я повиновался душевному человеку, ничем не выказав своего внутреннего состояния.

Спустя некоторое время поехал в Пермь к главному профессору Чистякову просить переставить хотя бы один глаз. Мама пообещала отдать свой, дескать, проживем и с одним. Получаю новый страшный удар: «В практике медицины, – ответил профессор, – еще не было случая пересадки глаза, и в ближайшее время не предвидится».

Зрячему невозможно представить тогдашнее мое состо-

яние. Мне, девятнадцатилетнему, надо было жить. И вновь вижу икону, родную избу в любимом селе. Молюсь безмолвно и свыше слышу голос: «Держись, раб Божий, Иисус Христос и не такое терпел».

Сквозь стук вагонных колес прорезался мужской голос: «Молодой человек, вы больны?» – «Нет, просто задумался». – «С войны?» – «Да». – Говорить не хотелось, с трудом выдавливал из себя слова, а попутчик, уловив пониженное настроение, продолжал тормозить меня: «Сколько вам лет?» – «Девятнадцать». Потом он узнал о моем образовании, посоветовал поступить учиться на курсы военноослепших по подготовке в вуз.

Месяц спустя встретился с курсантом Николаем Стёпиным, так же, как и я, ослепшим во время войны. Он убедил меня в пользе и необходимости учебы. Постепенно мои сомнения рассеивались, а искорка, брошенная в мою душу, воспламенилась. «И верно, – думал я, – зачем мне с девятнадцати лет быть стариком, избу коптить?»

Мама – в слезы. В институт не отпускает: «Как ты, Ваня, без глаз там жить один станешь, да и пахорукий?» Никогда раньше супротив мамы словечка не говорил, а тут всю ноченьку с душевной иконой совет держал и голос внутренний слышал: «Поезжай, Ваня, учиться!»

И вот я уже бреду по улицам Перми, размышляю: «Крестьянский сын, неумытый, небритый, в отцовской ушанке, в защитном женском бушлате с плеча сестры и в валенках сорок последнего размера, а туда же – полез в институт на учителя учиться...»

Проходит время. В моей жизни поселяются новые понятия: кафедра, аудитория, лекции, семинары, коллоквиумы и так далее. Опускаюсь, как в сказку, в глубину веков: в Киевской Руси хожу в походы с войском Олега, Игоря и Ольги, с дружиной Святослава обороняю Русь от степных набегов печенегов. С Великим

князем Владимиром Красное Солнышко забредаю в Днепр. Былинной старине и щедрости душевной предков наших, русичей, дивлюсь. Рыцарей, закованных в панцири стальные, в Чудском озере с Александром Ярославичем топлю...

И только теперь по-настоящему понимаю: впереди – целая жизнь, прекрасная и неповторимая!

ДЕТСКИЙ ДЕТСКИЙ АЛЬБОМ АЛЬБОМ

Стихи, сказки
и рассказы

Анна Зубарева
Саша Зайцев
Аркаша Никифоров
Полина Мальцева
Дима Воробьев
Альберт Бузанаков
Олег Валишин
Мария Огородникова
Светлана Верхоланцева

АННА ЗУБАРЕВА

14 лет, г. Пермь

ВДОХНОВЕНЬЕ

Вот ночь спустилась свысока,
Окутав всю округу тьмой.
Упала вдалеке звезда,
И для души настал покой.

Зажгу свечу, возьму перо,
Найду сюжет простой, несложный.
Чтоб в сказку превратить его,
В помощники возьму я звезды.

Звезда мне тему подберет,
Подарит свет и вдохновенье,
Узоры дивные сплетет,
Получится стихотворенье.

ПОЖЕЛАНИЕ

Шагаю по улицам синим,
А темные ветви деревьев
Всё тянут ко мне свои руки
И шепчут, и шепчут призывно:
«Подпрыгни, дотронься ладонью
До звезд и небесного шелка!
Забудь про мирские заботы,
Будь счастлив и радуйся жизни!»

ПУТЕШЕСТВИЕ С ПУШКИНЫМ

Азаря золотым петушком
Взмыла вверх над родною землей,
И я с Пушкиным снова вдвоем,
Так проста и свободна душой.

Со страниц дева-лебедь спорхнет,
Засверкают глаза, как сапфир...
Сказка вновь в дальний путь нас зовет,
Нас уводит в загадочный мир.

КОРАБЛИК

Белеет парус одинокий...
М. Ю. Лермонтов

Спучиною водоворот
К себе, к себе корабль влечет,
А он плывет, плывет вперед
И в мир неведомый зовет.
Не подчиняюсь никому,
Ни даже Богу самому.
Как будто малое дитя,
Не понимая, что творя.
Все ищет к приключениям путь,
Чтоб в неизвестное шагнуть.
И пусть назад не повернуть,
Расправил гордо парус-грудь.
Он все равно плывет туда,
Где только небо и вода,
Купаясь в солнечных лучах,
Как мы с тобой в своих мечтах.

НЕБЕСНЫЕ КАРТИНЫ

Нам каждый день новое небо
Рисует незримый художник.
Свободною легкою кистью,
Мазки добавляя цветные.

То белые кони галопом
Промчатся по яркой лазури,
То желтые рыбки, прощаясь,
Плывут за оранжевым солнцем.

То в черное небо ночное
Забросит жемчужные звезды,
То пеструю радугу-мостик
Построит в безоблачной выси.

Нам каждый день новое небо
Рисует незримый художник.
В небесной цветной галерее
Найдем мы любые картины.

САША ЗАЙЦЕВ

12 лет, г. Пермь

РОЖДЕНИЕ ПЕРМИ

Когда услышал мир указ Петра,
Была здесь деревушка Егошиха.
С Урала медь Петру была нужна,
И наш народ завод построил лихо.

С утра до ночи люди, не щадя
Свое здоровье, на износ трудились
И возвели заводов корпуса –
Так города на Каме появились.

Так Пермь медеплавильным огоньком
Родилась в сердце древнего Урала
И до сих пор в характере своем
Несет закалку этого металла.

Плывут седые деды-облака
И смотрят свысока на день грядущий,
Как храмы оживают, строятся дома,
Как город, в ногу с временем идущий,
Растет, крепчает и века стоит.

Люблю Перми величественный вид!

АРКАША НИКИФОРОВ

12 лет, г. Усолье

ЗА ГРИБАМИ

Летом всей семьей ездим на мотоцикле в лес. Мама и папа уходят за грибами, а я сажусь на опушке леса и наблюдаю за чудесами нашей уральской природы, так как передвигаться на ногах из-за болезни не могу. Остаюсь наедине со своими мыслями и с прекрасным миром. Ровные белые березки стоят как живые и от дуновения ветерка переговариваются между собой. Если прислушаться повнимательней, то секрет их беседы можно пересказать. А щебетание птиц вообще ни с чем не сравнимо: хор да и только!

Однажды наблюдал я за муравьями и решил на их трудовую дорожку положить соломинку. Так один муравьишка попытался ее убрать, но это оказалось ему не под силу. Он торопливо побежал за подмогой. Через несколько минут уже шесть муравьишек были тут как тут и быстро управились с соломинкой. Вот какие они дружные и трудолюбивые!

Вот бежит-спешит жучок черненький, красивый такой. И как-то получилось: перевернулся на спинку, а обратно на лапки встать не может. Вдруг откуда ни возьмись – такой же жучок. Увидел своего собрата в беде, подбежал к нему. Я даже глазом не успел моргнуть, как они оба уже стоят на лапках и так усиками и лапками друг с дружкой общаются, как бы благодарность выражают свою.

ОСЕННЯЯ ПРОГУЛКА

Как-то раз мы осенью по первому снежку пошли в лес. Мама с папой собрали сухих сучков и на опушке раз-

вели небольшой костер. Осенью, конечно, немного уныло в лесу, но все равно по-своему красиво. И воздух какой-то особенно чистый, наполненный хвойным запахом. Ведь ели, сосны и пихты живут и зимой, не спят, как лиственные деревья.

Наблюдали за снегирями, как они рябину обклевывали. Мама с собой брала хлебушек, и я крошил его на землю. Вначале воробьи и синицы с дерева наблюдали за мной, но одна синичка оказалась храбрее остальных, слетела на снег и стала склевывать крошки. Остальные выжидали. Убедившись, что ничто им не угрожает, они тоже слетели на землю. Интересно наблюдать за ними. Воробьишки посмелей и понаглей синичек, всё стараются отобрать у них побольше крошек, но не обижают друг друга.

Я очень люблю природу, мы ведь часть природы.

Работы много у дождя.
Сначала землю я полью
И цветочки напою.
Вырастут грибочки –
Ты их засолишь в бочке.
Потом полью я грядки
И детские площадки.
От трудов таких устану –
Барабанить перестану.

ОСЕНЬ

Осень наступила, деревья пожелтели.
На их пестром фоне зеленеют ели.
И пока последний листик не опал,
Осень объявила прощальный карнавал.
В дружном хороводе листья закружились.
Мухоморы красными шляпками накрылись.
Им наряд березка желтый показала,
Сшитый специально на случай карнавала...
Налетел незванный гость – холодный ветер
И накрыл веселый лес дождливой сетью.
Он березке желтые кудри растрепал,
Маленькой осинке платьице порвал.
Потушил он свечи – тополя.
Листьями покрылась мокрая земля.
Смолкла бала музыка, птицы не поют,
Лишь дожди унылые бесконечно льют.

ВЕСНА

Звенит, торжествуя, школьный звонок.
Учитель закончил последний урок.
Взяв книжки под мышку,
Скорее вприпрыжку

Бежит по дворам детвора.
Под крики «Ура!»,
Под вопли «Ура!»
К нам в город приходит весна.

НЕБЫЛИЦЫ

Протестует рыжий кот –
Он не хочет бутерброд.
Он не хочет и котлет,
Только требует конфет.

Кошка мышку родила.
Мышка маленькой была.
Молоко пить не хотела,
Сто быков лишь за день съела.

Жучка папу приручила,
Поводок ему купила.
Если спляшет и споет,
Он получит бутерброд.
Если жучка на кровать –
Папа ляжет на пол спать.
Жизнь у папы красота!
Жаль, хвостом он не виляет,
Потому что нет хвоста.

СКАЗОЧНАЯ СТРАНА

Рисунки детей

ПОДБОРНОВА КАТЯ

12 лет, г. Пермь

На закате

(акварель)

Большинство работ, представленных в этом разделе, нарисованы детьми, обучающимися в Пермском городском Дворце творчества юных под руководством педагогов *Т. Е. Внутских и В. Г. Кедровского.*

ЖУРАВЛЕВ ДИМА

11 лет, г. Пермь

Новогодний пейзаж

(акварель)

Год дракона

(акварель)

ВДОВИН МАКСИМ

11 лет, г. Пермь

Рыба-кит

(гуашь)

НУРНАХМЕТОВА МАРИНА

11 лет, г. Пермь

Веселый бычок

(гуашь)

ПОНОСОВА КАТЯ

11 лет, г. Пермь

Сказки Пушкина

(гуашь)

Царевна Лебедь
(гуашь)

СМОЛЬНИКОВ ВАДИМ

13 лет, г. Пермь

Мой Кузя

(тушь, гуашь)

НУРДИНОВА ДАМИРА

13 лет, г. Пермь

Сказка о золотом петушке

(акварель)

ВЕДЕРНИКОВ АРТЕМ

10 лет, г. Пермь

Танец

(гуашь)

На чужой планете

(гуашь)

МОРГИН МИША

13 лет, г. Пермь

Время гигантов
(тушь)

ВЛАСЕНКО КИРИЛЛ

11 лет, г. Пермь

Сказка о царе Салтане

(акварель, фломастеры)

АННА ЗУБАРЕВА

14 лет, г. Пермь

Золушка
(флюмастеры)

В мире сказки

(флюмастеры)

ДИМА ВОРОБЬЕВ

8 лет, г. Пермь

УЗОРЫ

Наступила зима. На окнах появились красивые узоры. Каких только нет! Снежинки, ветки елок, скалы с причудливыми деревьями.

На солнышке узоры блестят яркими огоньками. Мы с мамой любуемся на них и представляем, будто гуляем по сказочному зимнему лесу. Вспыхивающие огоньки – это глаза добрых фей. Они не позволят Морозу нас напугать.

Как жаль, что, как только наступит тепло, наш сказочный лес исчезнет, убежит от нас по стеклу капельками воды.

ВЕСЕННЯЯ СКАЗКА

Вот и наступила весна. Солнышко пригрело землю. Оно послало маленькие лучики, чтобы те разбудили спящие листочки.

Один лучик постучался в маленький домик: «Листик, а, листик, ты все еще спишь? Просыпайся! Ведь уже весна на дворе!» Крошечный листочек с удивлением выглянул из своей избушки. Потянул носиком, почувствовал, что воздух уже теплый. Тогда он смелее распахнул пошире окошко своего зимнего теремка. Как хорошо кругом! Небо голубое! И гость у него замечательный – ласковый, веселый лучик. Листик вышел ему навстречу. Они с лучиком стали весело играть. Лучик очень любил прятаться. Скроется за облачком и выглядывает, как листик вертится во все стороны, ищет своего друга. Лучик шлепнет его по спинке теплой ладошкой. Ох и весело им вместе! В гости к ним стали приходить еще друзья. Это – легкий ветерок и

шаловливый дождик. Как приятно было освежиться под дождевыми капельками. От удовольствия листик стал еще больше, еще зеленее.

Радуетя листик приходу весны. Особенно тому, что кончился длинный зимний сон, и он на самом деле может вместе с легким ветерком качаться на тонкой ножке, подставлять ладошки дождику и радоваться, когда лучику надоест прятаться и он снова сядет на веточку к листочку.

Хорошо, когда на свете есть такие чудесные друзья! Ну что может быть прекраснее дружбы?!

АЛЬБЕРТ БУЗАНАКОВ

11 лет, г. Пермь

СНЕГОПАД

Снегопад, снегопад...
Снежинки падают, летят.
Танцуют вальс, кружатся,
Играют, веселятся.

На нос садятся, на ладонь.
И тут же тают, только тронь.
Дорожки снегом замело,
Совсем на улице бело.

Люблю я очень рисовать,
Вот взял альбом и краски.
А дальше что? С чего начать?
Наверное, со сказки.

Кисть заскользила по листу:
Старик у моря ходит,
Балда сидит на берегу,
Кот по цепи всё бродит.

Как много можно рассказать
Той кистью на бумаге.
Я подарю рисунок свой
Моей любимой маме.

Я не художник еще, нет...
Я лишь о том мечтаю.
Я научусь, я так хочу...
Хоть трудно... понимаю.

ОЛЕГ ВАЛИШИН

12 лет, г. Пермь

ДОБРАЯ ТУЧКА

Сказка

Жила-была маленькая Тучка. Однажды ей очень захотелось побывать на Юге. Думала она, думала – да и поплыла туда. Ее друг Ветерок помог ей. Он тихонько дул вслед.

Тучка проплывала в высоком небе над полями, лугами, лесами. Видела, как дружно работают люди на полях, как весело машут ей своими мохнатыми ветвями огромные ели, тонкими изящными веточками – белые березки. Она любовалась своим отражением в реках и озерах.

Птицы пробовали ее догнать, но быстро отставали. А она уплывала всё дальше и дальше. Так она плыла три дня и три ночи. Наконец оказалась на Юге. Жара там была такая, что деревья, цветы и трава только и мечтали о дождике. Кипарисы и пальмы стояли унылые, трава под ними совсем пожелтела.

Посмотрела Тучка на всё это, и ей стало так жалко растения! Она подумала: «Надо бы им помочь, но тогда меня больше не будет. Но ведь и так оставить нельзя». Решила Тучка все-таки полить южную землю теплым дождем. Полилась вода веселыми струйками. Радостно вздохнули деревья, цветы и травы. Защебетали птицы. Как они все были благодарны Тучке! Посмотрели на небо – а Тучки-то нет...

По земле бежали ручейки, звонко перекликаясь друг с другом. На небе снова взошло солнышко. Вода в ручейках испарилась, поднялась вверх, и родилась новая Тучка, еще больше прежней. Она тоже принесет ра-

дость всему живому на земле: людям, растениям, животным. Ведь так приятно дарить добро!

Вот и сказке конец, а кто слушал ее – молодец. А кто любит делать добрые дела – и того лучше!

МАРИЯ ОГОРОДНИКОВА

г. Пермь

ИЗ ЦИКЛА «БАБУШКИНА КОПИЛКА»

Солнечный зайчик

«Зайчик солнечный – хороший», –
хвалит зайчика Алеша.
И готов не есть, не спать,
только зеркальцем играть.
Зайчик мой резвее птицы,
ничего он не боится,
Смело прыгает везде:
по деревьям, по воде.
Бойко скачет он по крыше,
может прыгнуть еще выше,
Если зайчик мой захочет,
и на облако заскочит.
Вот зайчишка на полу,
а теперь сидит в углу,
Он на маминой руке,
а теперь на потолке.
С потолка на стол вскочил
и в тарелку угодил,
Из тарелки на кровать,
там уселся отдыхать.
Солнце скрылось за горой,
спать ушел зайчишка мой.
Утром солнышко вернется,
снова зайчика проснется
И запрыгает везде:
по деревьям, по воде.

Кубики

Большее всех своих игрушек
Любит кубики Ванюша.
Есть на кубиках зверятки –
Очень славные ребятки.

Тут и мишка, и зайчонок,
Ежик, белочка, волчонок,
И лисичка тоже тут, –
Все они Ванюшу ждут.

Ваня кубики берет,
К одному другой кладет.
Вот зайчишкина головка,
Спинка, лапки и морковка.

На пенек зайчишка встал,
Только ушки потерял.
Ваня кубик повернул,
Ушки зайкины тряхнул:
«Встань на место, кубик мой,
Вот и зайчик как живой!»

Мурка

Наша Мурка – озорница:
Старый бабушкин клубок
Покатила к обувнице,
И загнала в уголок.

Вокруг стула покатала
И от страха замерла,
Лапки к стулу примотала,
Хвостик ниткой заплела.

Мы на помощь к Мурке мчимся,
Чтобы нитки размотать.

Ну а Мурка – озорница,
За клубком бежит опять.

Хитрый щенок

Что не весел мой щенок,
Что забился в уголок?
Иль куда-то угодил,
Или что-то натворил?
«Я порвал журнал и книжку,
Блюдце Муркино разбил,
Оторвал я ухо Мишке,
Мячик в дырку закатил.
И уж знаю наперед,
Что мне очень попадет,
Сам себя я наказал», –
С грустью мне щенок сказал.

СВЕТЛАНА ВЕРХОЛАНЦЕВА

г. Пермь

ИЗ ЦИКЛА «ВЕСЕЛЫЕ ИСТОРИИ»

На кого шишки валяются

На балконе сидел Макар и плевал. Плевал вниз, на прохожих. Увидал внизу старушку и попал ей прямо в макушку. Увидал внизу Барбоса, тьфу ему на кончик носа. Увидал внизу он папу и попал ему на шляпу. Увидел незнакомую девчонку, хотел плюнуть, но промахнулся и попал не в цель, а в сторонку. А девчонка вдруг обернулась к Макару лицом и говорит:

– Мальчик, а мальчик, сделай мне, пожалуйста, одолжение!

– Какое?! – выпучил глаза Макар.

– Докажи, что ты не верблюд.

Макар, который на беду свою не понял, к чему она клонит, немного подумал, а потом и говорит:

– С какой это стати я тебе должен еще чего-то доказывать?

Девчонка засмеялась, а потом и говорит:

– Ну, значит, верблюд ты и есть.

– Это я-то верблюд? – возмутился Макар. – Да сама ты верблюдица!

На том разговор и окончился... На следующий день приходит Макар в школу, а там уже все девчонки на него пальцами показывают и дразнятся: «Верблюд, верблюд!»

– Чего это они тебя? – спрашивает закадычный друг Макара Кузька.

– А я-то откуда знаю? – буркнул в ответ Макар да взял и плюнул с досады. Так и плюнул прямо на пол. Столпились ребята. Примчался дежурный, посмотрел на плевков да как завопит:

– Эй ты, балбес, убирай плевотину сейчас же!

Макар насупился и говорит:

– С чего это я должен ее убирать?

– А с того, что если ты ее не уберешь, то Мария Ивановна мне балл по поведению снизит!

– Послушай, – говорит Макар, – есть справедливость на свете или нет? Я сам вчера собственными глазами видел, как ты на этом месте с Лешкой плевался.

– А вчера не мое дежурство было!

– Да что вы на меня уставились, – завопил бедный Макар, глядя на ребят, – один я такой что ли?! Да в нашей школе каждый второй плюется!

– Во всяком случае не возле кабинета директора, – говорит дежурный, – а если тебе не хочется попадать в историю, иди на третий этаж да там и плюйся. Там дежурных нет.

– Или в туалете, – влез в разговор кто-то, – там всё равно не убирают: бесполезно.

Стоит бедный Макар среди толпы, вперив взгляд в загаженный пол. На него во все глаза смотрят ребята и неумолимый дежурный. А девчонки сзади толкаются и хихикают:

– Эй, верблюд, докажи, что ты не верблюд!

Досталось бедному Макару по первое число и от учителей, и от директора, и от родителей. А девчонки и мальчишки до того его верблюдом задрали, что он с горя и плевать бросил. Осрамили Макара, осрамили. Господи, да за что же такое наказание?! Половина ребят в школе плюется, а все шишки кому? Бедному Макару!..

Скороход Мухин

Сеня Зайцев без особого труда побил рекорд по скоростному бегу, установленный на прошлой неделе местными чемпионами – братьями Черепуховыми.

– Вы просто жалкие улитки, – презрительно бросил он им заслуженные слова, как только вышел в победители.

– Ты самый быстрый человек во всем... во всем нашем дворе! – восхищенно ахнула Елена Белкина. И добавила, обращаясь к соседу: – Эй, Мухин, слетайка в лавочку. Там, говорят, мороженое есть.

Лавочка была далеко – за шесть кварталов. Мухин быстро скрылся из виду, и вскоре о нем позабыли...

– Ну ты даешь! – через некоторое время с поощрительным смешком заметил Зайцев, глядя на часы: было 3 часа и 1 минута. – Мы тебя, Мухин, меньше чем через два часа и не ждали, а ты всего за час приполз. Поздравляю!

– Да уж, – ответил Мухин, все еще тяжело дыша после быстрого бега, – я бы и пораньше мог, но с двух часов до трех в магазине обед. Пришлось целый час открытия ждать, – закончил он.

– Во дает! – вдруг заорал Юрка Петухов. – Почти полгорода в минуту – это же новый рекорд! Качай чемпиона!

– Качать! – подхватили все.

– Ребята, – неожиданно послышался голос Белкиной, – ребята, Зайцеву плохо...

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 5

ПРИГЛАШЕНИЕ К ЖИЗНИ. Мастер-класс

Александр Кленов

- «Я из костей дедов своих восстал...» 8
- «Я, пожалуй, лишь тем и живу...» 8
- «Я, право, был бы более счастлив...» 8
- «...А слава – должна быть голодной...» 9
- Соловей 9
- «Мудра Вселенная в презренье...» 9
- А. Решетову 9
- «Вдруг влетит в окошко...» 10
- «Что делать...» 10
- «...И который уж день...» 11
- А. Баженову 11
- «Не сидел как будто бы в тюрьме...» 11
- Банальное 12
- «Случайно я встретил другую...» 12
- «Один закон...» 12
- «Вот она, открылась рана...» 13
- Расставание 13
- «В детстве с одной девочкой...» 14

Вячеслав Раков

- «Полуденный Компрос...» 15
- «Меня хватает на короткий шаг...» 15
- «Ты дорого стоишь, но...» 16
- «Извини, я в осени по грудь...» 16
- «Мое белое дело...» 17
- «Пять минут воробьиного вздора...» 17
- «Пошел, как Бендер, е2 – е4...» 18
- «Дыхание сужается до жалости...» 19

Валентина Телегина

- «Молиться нас не научили...» 20
- «Слово жжет, и слово ранит...» 20
- Я пред тобой 21
- Позови! 22
- «Утро молодое...» 22
- «Блаженство летнее меня с ума свело!...» 23
- «Июль! Дыханье грозового зноя...» 23
- Август 24
- Затишье 25
- Летом на Чусовой 25
- «Колодец... Береза... Трава...» 26

ЦВЕТНЫЕ СНЫ. *Проба пера***Наталья Разбитнова**

- «Мне чуть-чуть не хватает...» 28

- «Я открываю окно...» 28
- «Ангелы, зажгите свечи звезд...» 29
- «Снова небо хмурится...» 30
- «Каждому лету – солнце и радость...» 30
- «Я плачу потому, что за окном...» 30
- «Подними на минуту глаза...» 31
- «От любви до ненависти...» 31
- «Ветер треплет сырые лохмотья афиш...» 32
- Анатолий Касьянов**
 - Первая любовь 33
 - Лист дневника 34
 - Гармония исцеления 34
 - Одиночество 35
 - Монолог 36
 - Прощание осени 36
- Светлана Жигиль**
 - Шотландская песенка 37
 - «Недолгое пиршество цвета...» 37
 - Наитие 38
 - «Я соберу свои пожитки...» 38
 - «Утомленный город засыпает...» 39
 - Мимолетность 39
 - «Холодноватый и спокойный миг...» 39
 - «В узоре бабочки останусь...» 40
 - Прощанье 40
 - «Вдруг показался этот день последним...» 41
- Виктор Хабеев**
 - Рана 42
 - «Открытые окна...» 42
 - Письмена 43
 - «Сею семя, семечко...» 44
 - «Сто лет одиночества...» 44
 - «В крови по колено...» 45
 - О лени 46
- Наталья Мазуркина**
 - Над вечным покоем 47
 - Художнику 47
 - Рождество 47
 - «Июнь, июнь – начало лета...» 48
 - В лесу 48
 - «Моя любовь, ослепшая, глухая...» 49
 - Автокатастрофа 49
- Светлана Верхоланцева**
 - Свечка 50
 - Бойся, моряк... 50
- Татьяна Глебова**
 - Маленькое чудо 52

РЕКА ВРЕМЕНИ. *Пережитое***Валентина Петровская**

- Я в России, Россия – во мне 58
 «О Муза, не покинь меня!...» 58
 «Есть музыка слов...» 58
 «Снова крылами печали...» 59
 «Зовет февраль пойти на лыжах...» 59
 «Зной летний дремлет под березой...» 60
 Путь направо, путь налево 60
 «Что мне сделать для вас?...» 61
 «Я снова чувствую, я вижу...» 62

Канита Ямилова

- О, одиночество, как твой характер крут... 63
 Я выжила, но... без тебя 66

Михаил Аликин

- «Она сидела, а он спал...» 69
 «Утихли в эту ночь метели...» 69
 «Под огромным синим небом...» 70
 Жизнь 71

Александр Михайлов

- Ночью 72
 Июльский рассвет 73
 Сон 73

Алексей Сидоров

- Кайф 75

Светлана Копылова

- «Я родом из сказки...» 80
 «Давным-давно...» 80
 Брату 81
 «Нам с тобой...» 82
 Подснежники 82
 «Немало мной исхожено дорог...» 83

Анатолий Пилипенко

- Школьный звонок 84
 Александру Маринеско 84
 «Так случилось...» 85

Валентина Чазова

- Осенний дождь 86
 Золотая осень 86
 Судьба моя 87

Александр Мальцев

- Про кота 89

Алексей Галузин

- Нить 91
 Покаяние 91
 Не умею 92

- Матвеевка 92
Андрей Коноплев
Из псалтыря 94
Дина Толц
Из цикла «Времена года» 96
«По душе мне восходы, закаты...» 98
Иван Гилев
Исповедь 99
- ДЕТСКИЙ АЛЬБОМ. *Стихи, сказки и рассказы*
Анна Зубарева
Вдохновение 104
Пожелание 104
Путешествие с Пушкиным 104
Кораблик 105
Небесные картины 105
Саша Зайцев
Рождение Перми 107
Аркаша Никифоров
За грибами 108
Осенняя прогулка 108
Полина Мальцева
Узоры на окне 110
Пчелка 110
Дождик 110
Осень 111
Весна 111
Небылицы 112
Дима Воробьев
Узоры 113
Весенняя сказка 113
Альберт Бузанаков
Снегопад 115
«Люблю я очень рисовать...» 115
Олег Валишин
Добрая тучка 116
Мария Огородникова
Из цикла «Бабушкина копилка» 118
Светлана Верхоланцева
Из цикла «Веселые истории» 121

Литературный и художественный редактор

И. Остапенко

Дизайн и компьютерная верстка

А. Галкин

Подписано в печать 31.01.2000. Формат 84×108^{1/32}
Бум. ВХИ. Тираж 1000 экз. Заказ № 384.
Издательско-полиграфический комплекс «Звезда».
614600, г. Пермь, ГСП-131, ул. Дружбы, 34.

Издательство «Курсив»

ГОО «Ассоциация инвалидов-опорников»

Лицензия ИД № 00415

614070, г. Пермь, ул. Крупской, 40. Тел. 48-33-80

«Курсив»

осуществляет

профессиональную

издательскую подготовку

всех видов печатной продукции:

изготовление оригинал-макетов,

литературное и художественное

редактирование

книг, буклетов,

брошюр

и т.д.

С 24 Свет и тень: Литературно-художественный
сборник // Сост. И. Остапенко, В. Раков. –
Пермь: Изд-во «Курсив», 2000. – 128 стр.
+ 24 стр. цв. вкл.

В своих стихах и рисунках я выражаю любовь к природе и привязанность к грузьям. Я рада, что могу это все перегать кисточкой, держа ее во рту, на листе бумаги, на холсте, на картоне... Плохо одно – всё труднее стало покупать краски, растворители, кисти. А это – моя жизнь.

В очередной раз депрессия едва не поглотила меня, но в обществе инвалидов мне показали Ваше письмо, и я села за пишущую машинку. Работа увлекла меня... У меня нет обеих ног и рук. Печатаю палочками, которые придумала сама... У меня большое горе – заболел мой сын, вылечить его невозможно, поэтому я не могу больше рисовать и боюсь – не смогу и писать. Сын был моими ногами и моими руками, моей опорой и моей надеждой, а теперь – второй раз в жизни – у меня не стало этого – ни рук, ни ног, ни веры, ни надежды...

Я инвадиг I-й группы. ДСП. Живу в селе, в общении с природой. Можно поучаствовать в конкурсе сразу в трех жанрах – рисунок, стихи и проза? Может, мне повезет и меня заметят, заинтересуются моими работами?

Я не поэт. Я беспомощный инвалид. Ложку до рта поднять не могу. Тем более что-нибудь сделать. Безделье тягжко. К счастью, пальцы еще удерживают ручку... Занятия стихосложением для меня – труднейшее дело. Оно отнимает много времени, помогая жить.

...В 21 год после травмы потерял зрение. По натуре романтик и мыслитель, что и помогает писать стихи...

Вторую ногу ампутировали сразу выше колена. Это был самый унижительный момент: еще недавно ходил вертикально, а тут только ползком на заднице. Поначалу выпивал и плакал. Потом бросил. Ничего, пообвык. Сам сделал токарный станок. Научился хорошо точить. Увлёкся резьбой по дереву. Все в одиночку. Помощи неоткуда ждать. Но не жалею. У меня есть голова и руки неплохие. А у большинства и этого нет...

Размеренной чередой промчались школьные годы, оставив невосребованными мысли, чувства, желания, одним словом, вся полнота юной души оказалась не у дел. С тех пор неказистые строчки повседневных размышлений стали неотъемлемой частью моего бытия. И так, вообще о себе. Возраст – 24 года, инвалид с детства – I гр. Диагноз: ДЦП. Важнейшим для себя считаю любовь к детям, веру в Бога, очень хочу быть полезным людям. В последнее время основное занятие – литература, благодаря которой я нашел смысл и неповторимую палитру нелегкой судьбы...

Стихи пишу с детских лет, но серьезно – с 1993 г., когда обратился к Богу. Глубоко убежден, что поэзия – это чудесное проявление Божией благодати и что Священное Писание – лучшее поэтическое творение...

13 лет после травмы сижу в коляске... Особыми талантами не обладаю. Хотя... Вообще-то говорят, что не бывает людей бесталанных. В таком случае я уверенно могу сказать, что есть он и у меня: я люблю людей, всех люблю одинаково, но каждого чуть-чуть больше. С любовью к Вам – и всего доброго!

